

Сборник "Новая космическая опера"

Кэтрин Азаро Утренняя заря¹

1. Мечтатели из Найтингейла

Он тосковал по солнцу.

Планета Анзатц могла похвастаться единственным городом под названием Найтингейл — это был драгоценный камень, украшавший мир вечной ночи. Подоб-

но лучу света, что упал на алмаз и путешествует от грани к грани, создавая в нем переливы, Джейто Стормсон оказался в ловушке в Найтингейле. Но, в отличие от луча света в бриллианте, Джейто не мог отсюда выбраться.

За несколько лет, проведенных здесь, его воспоминания о доме потускнели, и Джейто больше не мог отчетливо представить себе залитую солнцем ферму на планете Сэндсторм, где он провел детство. В Найтингейле царил вечная тьма.

Мечтатели — гениальные художники, населявшие Анзатц, — являлись также и математическими гениями. Вот почему они дали своей планете такое имя, намекавшее на способ решения дифференциальных уравнений.² Нужно подставить в уравнение некую функцию и проверить, является ли она решением. Если нет, следует взять другую функцию... Джейто чувствовал себя так, словно он безуспешно пытается найти нужный ему мир.

Однажды ночью он отправился в Купол Собственных Функций — танцевальное заведение. Он сел за столик и стал ждать официанта, но официант так и не подошел. Именно по этой причине Джейто редко посещал Купол. Автор проекта здания решил, что эстетичнее взять на работу официантов людей, а люди Найтингейла игнорировали Джейто. Но сегодня вечером он чувствовал себя еще более одиноким, чем обычно, и даже холодные как лед Мечтатели были лучше, чем ничего.

Купол, сделанный из синтетического алмаза, по форме напоминал усеченный футбольный мяч. Джейто поискал в городской библиотеке сведения об истории здания и обнаружил трактат, где говорилось, что форма купола имитирует молекулу фуллерена. Голографическое освещение порождало собственные функции, описывающие фуллерен. Джейто не понимал физических деталей, но считал здание красивым.

Сегодня вокруг были Мечтатели — они танцевали и разговаривали, создавая глухой гул. Столетия генетических экспериментов и жизнь в постоянной темноте высветлили их кожу настолько, что она сделалась почти прозрачной. Волосы парили вокруг голов, словно серебристый дым. Алмазные стены преломляли свет ламп, находящихся снаружи Купола, внутренность здания наполняли радужные лучи, и Мечтатели купались в разноцветных волнах. Они светились, походя на квантовые призраки.

Входная дверь, расположенная в дальней от Джейто стене, открылась. В проеме показалась женщина-астронавт, окруженная радужным свечением. Это была не Мечтательница. Она выглядела крепкой. Загорелой. Должно быть, прибыла на одном из редких кораблей, посещавших Найтингейл, — редких потому, что Мечтатели не допускали на планету иммигрантов, а большинство людей, привыкших к солнцу, находили мир вечной ночи угнетающим. Единственной причиной, по которой люди посещали Анзатц, была

¹ "Aurora in Four Voices" copyright © 1998 by Catherine Asaro

² Ansatz — математическая запись условий задачи, составление уравнения (нем.).

продажа Снов.

Ах да. Торговля.

Мечтатели делали гостям простое предложение: вы даете кому-либо из них приятный Сон, а взамен Мечтатель дарит вам произведение искусства. Вам давалось десять дней. После этого вы обязаны были покинуть Найтингейл, расторгнув сделку. Если принять во внимание цены, по которым в Империи продавались произведения Мечтателей, это была поразительно выгодная для пришельцев сделка — драгоценное сокровище в обмен всего лишь на приятный Сон.

Джейто позволил себя одурачить и попался в ловушку. Несколько лет он копил на билет до Анзатца. Но как заставить другого человека увидеть себя во Сне? Это оказалось не так-то просто, особенно если учесть, что Мечтатели испытывали отвращение к обычным людям. То же самое крепкое сложение и грубый вид, которым так восхищались там, дома, отталкивали Мечтателей. Зная их презрение к некрасивому, Джейто боялся, что ему не позволят остаться даже на десять дней.

Но они так и не отпустили его.

И сейчас он сидел в одиночестве и смотрел, как женщина-астронавт идет к столику на противоположной стороне Купола. На ней были темные брюки, заправленные в сапоги, и белый свитер с рукавами, украшенными золотыми кольцами. Одежда казалась знакомой, но Джейто не мог припомнить, где видел такую. Женщина была без кителя; климатические установки Найтингейла использовали естественное движение воздуха на планете, чтобы поддерживать комфортную температуру, и здесь не чувствовалось жестоких ветров, раздиравших остальную часть Анзатца. Лицо незнакомки обрамляло облако черных волос с золотыми кончиками, глаза прятались под черными ресницами — зеленые глаза, цвета деревьев в лесу. Кожа ее была смуглой, цветущей и здоровой. Ни один из Мечтателей не удостоил ее повторным взглядом, но Джейто подумал, что она прекрасна.

Она села — и тут же возник официант, готовый выполнить заказ. Раздраженный Джейто встал и направился к лазерному бару, намереваясь заставить персонал обслужить себя. Однако добраться до стойки оказалось делом непростым. Пол в помещении представлял собой систему концентрических колец, каждое из которых вращалось в том или ином направлении. В тексте, найденном Джейто в библиотеке, говорилось что-то о «коэффициентах отображения в квантовых суперпозициях на скоростях колец». Он понял лишь, что компьютер координировал движение колец таким образом, чтобы клиенты могли перешагивать с одного на другое, не падая. Мечтатели грациозно передвигались по вращающемуся полу, но у Джейто это никогда не получалось.

Ему удалось добраться до танцплощадки — медленно кружащегося диска, расположенного в центре помещения. Мимо него проплывали танцующие, гибкие, стройные, словно статуэтки, с серебристыми глазами. Оказавшись на противоположной стороне, Джейто попробовал идти по кольцам, но его бросало в разные стороны. Каждый раз, когда он приближался к парящему столику на воздушной подушке, занятому Мечтателями, тот отплывал прочь. Стормсону хотелось, чтобы хоть раз кто-нибудь поднял на него взгляд, заметил его присутствие, поприветствовал его. Сделал хоть что-нибудь.

Тем временем официант принес женщине ее заказ — Лазерную Каплю в широком бокале. Крошечные лазеры, находившиеся в толще стекла, освещали жидкость: гелий-неоновый — красным светом, цинк-селеновый — голубым, натриевый — желтым. Держа бокал в руке, посетительница откинулась на спинку кресла и принялась наблюдать за танцующими.

Джейто перестал делать вид, что ему нужен бар, и направился к женщине. Но всякий раз, когда он приближался к кольцу, на котором находился ее столик, люди и столы, прежде расступавшиеся перед ним, внезапно загораживали ему дорогу. Тем временем женщина-астронавт выпила свой напиток, расплатилась, проведя картой по датчику в столике, и пошла к двери. Джейто кинулся вслед за ней — и в этот момент на пути у него возникла спина официанта; он шел, высоко держа поднос с освещенными лазером бокалами.

Джейто нахмурился. Он всегда старался проявлять максимум терпения и говорить как можно меньше. Но стерпеть подобное было под силу лишь человеку с воистину стоическим характером. Он дотронулся ладонью до спины официанта и подтолкнул его — не сильно, лишь желая заставить отодвинуться. Официант споткнулся, поднос подпрыгнул, и спиртное выплеснулось из бокалов. Но даже после этого никто, включая официанта, не посмотрел на Джейто.

Ему удалось пробраться к дверям, никого больше не отпихивая. Снаружи лампы освещали несколько квадратных метров, но дальше, под усыпанным звездами небом, царила ночь. Джейто, стиснув кулаки, быстро зашагал прочь от Купола. Он не желал доставлять Мечтателям удовольствие, показывая, как их поведение бесит его.

Купол располагался на окраине города, у края обширного плато, на котором Мечтатели выстроили Найтингейл. Плато окружали горы под названием Скелет Гиганта — с трех сторон пологие склоны и крутые утесы здесь, на севере. В отдалении громоздились острые пики, они вздымались все выше, и ломаная линия резко выделялась на фоне мерцавшего звездами небосклона.

Мечтатели утверждали, что Найтингейл был вызовом силам природы: мы сумеем создать красоту в столь зловещем месте. Это приводилось в качестве мотива для постройки города. Джейто слышал и другие объяснения, но Мечтатели отвергали их.

Несмотря на то что предыдущие попытки Джейто уговорить астронавтов тайно вывезти его с планеты потерпели неудачу, он не оставлял надежды. В отдалении, среди теней, он заметил женщину, поднимающуюся по Квадратичной Лестнице — цепи ступеней, высеченных в скале. Первая ступенька была высотой один сантиметр, вторая — четыре, третья — девять и так далее: их высота возрастала в соответствии с последовательностью квадратов целых чисел. Первые двадцать ступеней шли вдоль стены утеса, но затем лестница поворачивала под прямым углом и врезалась в скалу; ступеньки становились все выше и выше, пока сами не превращались в скалы, слишком высокие, темные и далекие, чтобы различить их.

К тому моменту, как Джейто добрался до первой ступени Квадратичной Лестницы, женщина поднималась на десятую, которая доходила ей до талии. Она уселась на камень, наполовину скрывшись в тени, и наблюдала за Стормсоном. Он медленно приблизился и остановился на девятой ступени.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросила женщина.

— Я хотел спросить, не нужен ли вам гид по городу? — Это звучало неубедительно, но лучшего предлога Джейто придумать не смог.

— Спасибо, — ответила незнакомка. — Не нужен. Разговор застопорился, но Джейто сделал вторую попытку:

— Мне редко удается побеседовать с кем-нибудь незнакомым.

Она кивнула:

— Я заметила, что мой корабль — единственный в порту.

— Вы приехали продать Сон?

— Нет. Просто кое-какой небольшой ремонт. Уезжаю, как только его закончат.

Джейто заметил у нее за спиной шар, покрытый переливающимися искрами. Подплыв ближе, шар превратился в летающего робота диаметром больше метра; на его поверхности извивались множества Мандельброта³ — большие завитки были окаймлены меньшими завитками, а те — еще меньшими, затем совсем крошечными и так далее в бесконечных повторениях. Проследив за взглядом Джейто, женщина обернулась:

— Что это?

— Робот. Он следит за лестницей. Женщина поглядела на Джейто:

³ *Множество Мандельброта* — вид фрактала. *Фрактал* (от лат. fractus — дробленный) — геометрическая фигура, составленная из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком.

— А почему вас это раздражает?

— Раздражает? — «Как она догадалась?» — Нет, я не раздражен.

— И чем он занимается? — спросила она.

— Я покажу вам. — Джейто шагнул вперед и, подтянувшись, взобрался на десятую ступень.

Хотя теперь он возвышался над женщиной, она казалась безмятежной — лишь отклонилась, чтобы дать ему дорогу. Эта уверенность в себе произвела на него не меньшее впечатление, чем ее красота.

Когда он приблизился к одиннадцатой ступени, шар зажужжал ему в лицо. Джейто попытался оттолкнуть робота, но шар ударил его в плечо так сильно, что Стормсон упал на одно колено.

— Эй! — Женщина вскочила и схватила его, словно действительно могла удержать мужчину его телосложения, чтобы тот не упал с обрыва. — Зачем он это сделал?

Джейто поднялся и стряхнул с брюк каменную крошку.

— Это было предупреждение.

И тут она сделала это. Улыбнулась.

— Против чего?

Джейто едва слышал ее слова. Он видел лишь улыбку. Она была ослепительна.

Но мгновение спустя улыбка погасла.

— С вами все в порядке? — спросила незнакомка. Он вернулся мыслями к настоящему:

— Что?

— Вы так странно смотрите на меня.

— Простите. — Джейто махнул рукой в сторону шара. — Он предупреждал меня, чтобы я не пересекал границы города, которая проходит по этому утесу.

Это было даже смешно — что роботы наблюдают за ним в таком месте. Словно он действительно мог сбежать из Найтингейла по лестнице, высота ступеней которой увеличивалась таким образом.

— А почему вам нельзя покидать город? — спросила женщина.

Он осознал, что не в состоянии заставить себя рассказать ей все, по крайней мере сейчас. Почему она должна верить его словам? Восемь лет назад Мечтатели появились в его номере в Гостинице Шепотов и связали ему руки за спиной с помощью крепких серебристых лент Мёбиуса. Он не понимал, что происходит, пока не оказался в зале суда. Его обвинили в убийстве, которого он не совершал, и приговорили к пожизненному заключению.

Предполагалось, что несколько лет заключения «исправили» его и он больше не представляет опасности для общества. Поэтому Мечтатели выпустили его из тюрьмы, которая все равно была не тюрьмой, а просто квартирой под землей. В течение нескольких головокружительных часов он думал, что его хотят отослать домой; в конце концов, если он больше не опасен, зачем держать его здесь?

Вскоре он убедился в обратном.

Мечтатели, верившие в виновность Джейто, считали, что исправление займет всю его жизнь. Один из самых популярных художников, Гранитный Кранкеншафт, настаивал на том — и частично был прав, — что для Джейто жизнь в Найтингейле станет не менее суровым наказанием, чем тюремное заключение. А разрешив ему жить в городе, Мечтатели проявят милосердие к преступнику, который подавил свои жестокие инстинкты. Джейто понимал, что эти доводы оказали влияние на Мечтателей: те по какой-то причине желали, чтобы их считали добрыми, а на самом деле смотрели на всех остальных людей как на низшие существа, не достойные ни свободы, ни дружбы.

Но теперь-то он знал, в чем дело. Мотивы Кранкеншафта не имели ничего общего с милосердием. Джейто получил немного больше свободы лишь потому, что это облегчало жизнь Кранкеншафту.

Джейто не хотел увидеть на лице женщины настороженное выражение — оно всегда появлялось на лице астронавтов, услышавших его историю. Не сейчас. Он предпочитал

провести еще несколько минут, не чувствуя гнета так называемого «преступления».

Так что вместо того, чтобы поведать ей правду, он указал себе под ноги и попытался пошутить:

— Я здесь живу. Вот мои координаты.

— Ваши — что?

Ну вот, а он-то думал выдать остроумную вещь.

— Координаты. Эта лестница — график нелинейной ступенчатой функции.

Женщина засмеялась, и смех ее походил на мелодичный звон колокольчика.

— Так что, эта лестница построена только затем, чтобы изобразить огромный график?

— Это искусство. — Джейто хотел, чтобы она снова засмеялась. Слушать ее смех было наслаждением.

— Значит, искусство, — повторила она. — Но вы так и не сказали мне, почему ваши соотечественники не хотят выпускать вас отсюда.

Его соотечественники? Она подумала, что он — Мечтатель? Дело ведь не только во внешности. Мечтатели обладали талантами в области искусства и математики, а он был полным профаном в том и другом. Но эта прекрасная женщина подумала, что он принадлежит к гениям. Джейто усмехнулся:

— Я им нравлюсь. Они не хотят, чтобы я уезжал. Она уставилась на него, приоткрыв рот.

— С вами все в порядке? — спросил он. Она, кажется, опомнилась:

— Что?..

— Вы так странно смотрите на меня, — произнес Джейто.

— Я... Ваша улыбка... — Она покраснела. — Мои извинения. Боюсь, я сильно устала. — Незнакомка официально кивнула ему. — Было очень приятно познакомиться. — Она развернулась и пошла вниз по лестнице.

Джейто чуть было не кинулся вслед за ней, ошеломленный этим внезапным прощанием. Но ему удалось удержаться и не наделать глупостей. Вместо этого он остался стоять среди теней, наблюдая, как она спускается по Квадратичной Лестнице.

Когда Джейто свернул в подземный коридор, в конце которого находился вход в его квартиру, он заметил у двери шар Мандельброта. Поскольку Джейто жил далеко от границы города, существовала только одна причина появления робота — его прислал Кранкеншафт. Когда Джейто было разрешено выходить из квартиры, Кранкеншафт получил возможность приводить его, куда пожелает, вместо того чтобы самому спускаться сюда.

Джейто развернулся и бросился бежать, стуча башмаками по металлическому полу. Если бы ему удалось найти достаточно узкий боковой коридор, он смог бы избежать плена. Кранкеншафт развлекался этой примитивной игрой: если Джейто удавалось спастись от робота, он получал выходной.

За спиной послышалось жужжание. Шар ударил человека в бок, и Джейто отлетел к стене, подняв руки, чтобы защитить лицо. В оболочке шара появилось отверстие, оттуда с шипением высунулся шприц.

Стена перед Джейто заколебалась, потемнела и исчезла...

Джейто открыл глаза. Над ним маячило лицо пожилой Мечтательницы с ледяным взглядом. Ветер шевелил ее волосы. Джейто было знакомо это изможденное лицо. Оно принадлежало Силикатному Леднику, жене Кранкеншафта.

За спиной у нее стоял Кранкеншафт. Он был необычно высокого для Мечтателя роста, поддерживал себя в форме; никто не дал бы ему ста шести лет. Голову покрывали черные клочковатые волосы. У художника были двухцветные глаза, серые с красным ободком, похожие на грязный лед в рубиновом кольце.

Джейто хрипло произнес:

— Долго?

— Ты проспал несколько часов, — ответил Кранкеншафт.

— Я спрашиваю, долго ты еще будешь таскать меня сюда?

— Не знаю. Посмотрим.

Джейто, подтянувшись, сел, и Силикатный Ледник отступила назад, чтобы избежать контакта с ним. Стормсон перекинул ноги через край выступа, на котором лежал, и огляделся. Кранкеншафт отхватил себе просторную мастерскую. Выступ торчал из западной стены, представлявшей собой ровную каменную поверхность. Южную стену, находившуюся справа, занимало окно, из которого открывался вид на город, лежавший далеко внизу. С востока и севера студию ограничивали голографические экраны — свисавшие с потолка листы термопластика. Перед ними дрожали изображения, и, когда ветерок раскачивал экраны, цветные полосы колыхались.

Этот ветер всегда дезориентировал Джейто. Внутри дома не может быть ветра. Если уж на то пошло, то и шарам Мандельброта в доме делать нечего. Но два из них парили здесь — один завис за спиной Кранкеншафта, второй рыскал по студии.

Единственным предметом интерьера в мастерской был круглый бассейн. Из воды поднимался блестящий белый конус высотой примерно два метра. Рядом с ним стоял второй конус, его верхушка была горизонтально срезана так, что сечение представляло собой круг. Три других конуса, расположенные в бассейне, были срезаны под разными углами, и плоские верхушки имели форму эллипса, параболы и гиперболы.

— Сегодня круг, — сказал Кранкеншафт и направился через полную сквозняков мастерскую к консоли, находившейся в углу, где встречались две голографические «стены».

Джейто взглянул на женщину, и она бросила на него ответный взгляд, холодный и равнодушный, словно камень. Затем она ушла, покинув студию через щель в пластиковой стене.

Порыв ветра взъерошил волосы Джейто, он задрожал и обхватил себя руками.

— У тебя нет куртки? — спросил он. Кранкеншафт не ответил, лишь склонился над своей консолью и углубился в работу. Но Джейто ждал, пытаясь избавиться от пелены, застилавшей его мозг после укула снотворного.

Шар подтолкнул его в плечо. Джейто не пошевелился, и шар толкнул сильнее.

— Отвали, — пробормотал Джейто. Из шара показался шприц.

Не отрывая взгляда от консоли, Кранкеншафт произнес:

— В шприце содержится стимулятор выработки тепла. Сильный экземпляр вроде тебя может продержаться десять минут, затем это вещество вызовет шок.

Джейто скорчил гримасу. И где только Кранкеншафт берет эту дрянь? Он посмотрел на шар, на Кранкеншафта, снова на шар. Имея дело с Кранкеншафтом, он был осторожен. На этот раз не стоит связываться.

Он снял сапоги и ступил в бассейн. Вода, доходившая до коленей, сегодня была холодна, но, по крайней мере, не покрыта льдом. Джейто добрался до усеченного конуса, вскарабкался на него, сел, скрестив ноги, и обхватил себя руками, чтобы согреться.

— Сдвинься на десять сантиметров к северу, — приказал Кранкеншафт.

Джейто повиновался.

— Здесь нельзя затопить?

Кранкеншафт уселся у консоли, сосредоточившись на своем занятии. Джейто подвинулся к южной стороне конуса.

Кранкеншафт оглянулся:

— В другую сторону.

— Включи отопление, — отозвался Джейто.

— Подвинься.

— После того как здесь станет тепло. Тупик.

Протянув руку к консоли, Кранкеншафт прикоснулся к панели. За спиной Джейто зажужжал шар, послышалось шипение шприца. По руке пленника побежала горячая волна, распространяясь к ладони и к плечу, а от него — по всему телу.

— Теперь тепло? — спросил Кранкеншафт. Ощущение было мучительным, но Джейто

не собирався показывать, как страдает. Он лишь пожал плечами:

— И что ты сделаешь? Доведешь свою модель до шока, потому что она не хочет мерзнуть?

У Кранкеншафта под глазом дернулся нерв. Он вернулся к работе, снова забыв о Джейто. Однако в помещении стало теплее, и огонь, бушевавший в теле Джейто, погас. Либо Кранкеншафт солгал, либо робот вколол ему вместе с ядом и противоядие, возможно заключенное в биodeградируемую оболочку, которая растворилась в крови через несколько минут после инъекции.

В течение следующих нескольких часов ветер высушил одежду Джейто. Жена Кранкеншафта приходила еще раз, чтобы принести мужу еду на каменном блюде. Она была для Джейто загадкой — всегда внимательная, всегда безмолвная. Создавала ли она произведения искусства, как большая часть Мечтателей — даже тех, кто был занят другой работой? Едва ли. Скорее единственным делом Силикатного Ледника было обслуживание Кранкеншафта. Джейто сомневался, что тот потерпел бы соперницу в собственном доме.

Наконец Кранкеншафт поднялся, расправил затекшие плечи.

— Можешь идти, — сказал он и вышел из мастерской.

И все. Можешь идти. Убирайся из моего дома. Стиснув зубы, Джейто соскользнул с конуса и, хромая, направился к краю бассейна; все тело болело от долгого пребывания в неподвижном положении. С трудом заправив влажные брюки в сапоги, он пошел к двери, находившейся в углу мастерской, там, где пластиковая стена примыкала к стене-окну.

Снаружи Джейто встретил ледяной ветер. Пленник стоял на верхней ступени винтовой лестницы, которая спускалась с утеса, принадлежавшего Кранкеншафту. Далеко внизу мерцали огни города, а за ними, во тьме, тянулись зазубренные пики. Тысячи лет назад в планету врезался хищник-астероид, превратив ее в подобие капли, лежащей на боку; ось капли была направлена к Кватрефойлу, звезде, вокруг которой обращался Анзатц. Несмотря на то что Анзатц был прочно связан с Кватрефойлом, сам он вращался достаточно быстро и большая часть его поверхности получала некоторое количество света. Вечная ночь царила лишь здесь, на небольшом участке вокруг полюса.

Жилище Кранкеншафта располагалось довольно высоко, поблизости от границы искусственно созданной спокойной зоны, окружавшей Найтингейл; дальше находилась зона жестоких ветров, опустошавших Анзатц. Но, несмотря на долгий путь к плато, лестница была незащищена — даже без перил. Еще одна из причуд Кранкеншафта. Но, в конце концов, он никогда не пользовался этой лестницей.

Джейто скорчил гримасу. Если он приходил добровольно, то Кранкеншафт всегда присылал летательный аппарат, чтобы доставить его домой. Сегодня Джейто мог бы вернуться в дом и попросить подвезти его, но эта перспектива радовала Стормсона не больше, чем идея погрызть камней.

Итак, Джейто отправился вниз по лестнице, ступая осторожно, не забывая о том, что находится на краю зияющей пропасти. Он шел все вниз и вниз, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не потерять равновесия. Он размышлял, как это выглядит снизу, из города. Вероятно, он похож на мотылька, ползущего по каменной спирали ДНК, вырезанной в склоне гигантской скалы.

Образ спирали захватил его воображение. Из нее могла бы получиться необычная скульптура. Можно пойти в библиотеку и найти какой-нибудь текст о ДНК. Лучше голографическую книгу, а не компьютерный файл.

До прибытия на Анзатц Джейто не заботило собственное невежество в области компьютеров. Будучи старшим сыном фермера, обрабатывавшего искусственно орошаемые поля на Сэндсторме, он не мог позволить себе доступ в сеть, не говоря уже о консоли. Несмотря на то что здесь, в Найтингейле, любой мог свободно войти в городскую сеть, Джейто от этого не было никакого толку. Однако он сообразил, как приказать консоли в библиотеке распечатывать книги.

Он сомневался, что попытается создать скульптуру-спираль. Чтение может дать

информацию, но не талант. Он признавал в Кранкеншафте лишь одно достоинство: этот человек был гением. Джейто представлял его продающим какое-нибудь свое астрономически дорогое произведение за Сон. А кроме того, какой Сон мог бы принести ему радость? Разве что отрывание крылышек у жуков.

Джейто помрачнел. Лишь немногие высшие чины в городском управлении Найтингейла знали, что Кранкеншафт подставил его. Чужака обвинили в преступлении настолько чудовищном, что в другом месте его приговорили бы к смертной казни или перестройке личности. Имперские законы были суровы: беглый преступник, оказавшийся в другом государстве, мог быть заново осужден и наказан за свое преступление. Этот часто порицаемый закон был принят с целью решить проблемы с экстрадицией, все чаще возникавшие на планетах, управляемых Империей. Он позволял Кранкеншафту шантажировать Джейто: сбежав из Найтингейла, осужденный будет обречен на смерть или промывание мозгов.

Творения Кранкеншафта были известны в тысячах звездных систем. Он был величайшим гением, а на Анзатце это давало человеку власть. Он получал все, что требовалось для его работы.

Включая Джейто.

2. Плата за Сон

Джейто лежал в постели, не в состоянии заснуть. Он приглушил свет, так что видны были лишь тусклые изображения засыпанных песком полей, украшавшие стены, — голографические картины, созданные им самим, память о родине.

Прошло восемь лет, но он по-прежнему находил свою квартиру чудесной. Он вырос в двухкомнатной землянке, которую его семья делила с двумя другими семьями. А здесь у него были принадлежавшие только ему кровать со стеганым одеялом, круглый комод, зеркало, ванная и мягкие коврики на полу. Мечтатели не требовали с него платы и давали ему денег на жизнь. Медицинское обслуживание было бесплатным, включая световые панели и витамины для его организма, страдающего от недостатка солнечного света.

Сегодня комната казалась ему более пустой, чем обычно. Он оставил попытки заснуть, подошел к комоду, вращавшемуся вокруг своей оси, и вытащил из верхнего ящика статуэтку. Он приехал на Анзатц, надеясь на чудо, рассчитывая купить сказочное сокровище. Тогда у него были собственные мечты, которые он хотел реализовать, продав шедевр: собственная ферма, бизнес, хороший дом для семьи, заслуженная пенсия для родителей, жена и дети. Целая жизнь.

Он никогда не собирался *создавать* произведения искусства. Но как, живя в Найтингейле, можно сопротивляться стремлению творить? Для создания этой статуэтки ему потребовалось несколько лет, и теперь он прятал ее, понимая, какими жалкими сочтут Мечтатели его попытки. Но она нравилась ему.

Чтобы раздобыть нужный камень, он спускался по источенным ветрами скалам к подножию плато, в расщелины, скрытые в кромешной тьме. Там он нашел кусок черного мрамора, которого не касалась рука человека. В своей квартире Джейто вырезал из мрамора птицу с расправленными крыльями и когтистыми лапками на подставке из того же камня. Затем сделал глиняные копии. Несколько лет он провел, вырезая на копиях фасетки, переделывая их, пока не достиг желаемого. Затем выдолбил фасетки на каменной птице и покрыл их блестящим составом.

Мечтатели пользовались для создания своих произведений математическими теориями. Джейто знал, что его статуэтка была простой по сравнению с творениями гениев. Геометрия фасеток задавала фугу на четыре голоса, и каждый голос символизировал часть его жизни: потерю дома и жизни на Сэндсторме; красоту, мрачную красоту Найтингейла, одиночество, его единственный спутник здесь; рассвет, который он не надеялся увидеть.

Прижав к себе статуэтку, он лег в постель и заснул.

Птица пела чудесную песнь, пела одна на четыре голоса. Джейто, держа ее в руках, бежал по Найтингейлу. Преследовавший его шар Мандельброта все приближался, пока наконец не зажужжал прямо перед ним. Фракталы, кружась, соскользнули с его поверхности и превратились в цепь из стальных колец. Цепь обмотала тело Джейто, ломая ему ребра и руки, и птица смолкла. Он покатился по земле, освещенной ледяными звездами, и упал на первую ступень Квадратичной Лестницы.

Джейто вырывался из пут, пока не высвободил руки, и птица ожила. Она снова запела, и голос ее полетел к звездам на крыльях надежды.

Фрактальные кольца упали с его тела. Джейто поднялся, и появилась женщина-астронавт, она вышла из теней, окутывавших Квадратичную Лестницу. Носком сапога она отбросила прочь цепи, и они растаяли, и их бесконечно повторяющиеся узоры исчезли, остались лишь мерцающие серебристые лужицы. Птица продолжала петь, и ее фуга окутывала облаком нот.

Женщина отступила всего на шаг назад. Глаза ее были огромными, темно-зелеными, как лесная листва. Она провела пальцами по его губам. Джейто обнял ее, легко, не принуждая; она могла сама решить: оставаться ли ей на месте или шагнуть вперед и прикоснуться к нему. Она сделала шаг вперед...

Гостиница Шепотов представляла собой округлое здание, изящно смотревшееся на фоне ночи. Держа в руке сверток, Джейто подошел к двери — арке, обрамленной блестящими металлическими пластинками.

— Откройся, — приказал он. Ничего не произошло.

Он попробовал еще раз:

— Откройся.

На поверхности двери появились волнистые линии и пятна, затем возникло голографическое изображение парящего в воздухе янтарного стержня. Рядом со стержнем образовалась кривая: она начала вращаться вокруг него, принимая какую-то форму. Когда все закончилось, перед Джейто оказалось изображение вазы, центр которой пронзал стержень. Поверх изображения переливались узоры нежных пастельных тонов.

— Тело вращения готово, — произнесла дверь. — Начинайте интегрирование.

— Что? — удивился Джейто. Ни разу в жизни дверь не просила его «начать интегрирование».

— Мне следует образовать иное тело? — спросила дверь.

— Я хочу, чтобы ты открылась.

Ваза покрылась серебряными и черными волнистыми линиями.

— Вы должны вычислить объем этого тела.

— Как?

— Задайте интеграл. Выберите пределы. Проведите интегрирование. Потребуется компьютер.

— Я понятия не имею, как это делается.

— Тогда я не могу открыться. Джейто поскреб подбородок:

— Я могу вычислить объем коробки. Ваза растаяла, и возникла коробка.

— Начинайте интегрирование.

— Ее объем равен ширине, умноженной на длину и умноженной на высоту.

Коробка и стержень исчезли.

— Откройся, — приказал Джейто. По-прежнему никакой реакции.

Джейто размышлял, злит ли хозяин гостиницы всех своих посетителей подобным образом. Хотя, возможно, Мечтателям нравятся загадки.

— Джейто? — окликнула его дверь.

— Да?

— Так вы хотите войти? Он раздраженно фыркнул:

- А иначе зачем я прошу тебя открыться? Снова появились коробка и стержень.
- Начинайте интегрирование.
- Я уже сделал это.
- По-моему, я зашла в тупик, — призналась дверь. Джейто улыбнулся:
- Так ты испытываешь новую программу?
- Да. Очевидно, она нуждается в доработке. — Дверь скользнула в сторону. —

Заходите, пожалуйста.

Вестибюль озарял тусклый свет, исходящий от лазерных картин на стенах. Как только автоматика пола зарегистрировала вес Джейто, раздался мягкий перезвон колоколов. В воздухе поплыли ароматы, волны резких запахов чередовались с нежными.

Стойка хозяина гостиницы представляла собой три концентрических цилиндра, доходившие человеку до пояса. Они были выточены из нефрита, созданного путем молекулярной сборки, как и остальные полудрагоценные минералы, использованные в строительстве Найтингейла. Хозяин гостиницы сидел за круглым столом, расположенным в центре этой конструкции, и читал книгу.

Джейто подошел к стойке:

- Я хотел бы увидеть одного из ваших постояльцев.

Он знал, что женщина остановилась здесь, — эта гостиница была единственной в городе, принимавшей приезжих с других планет.

Хозяин продолжал чтение.

- Эй, — окликнул его Джейто.

Мечтатель по-прежнему был погружен в книгу. Джейто нахмурился, затем вскарабкался на цилиндры и перебрался через них.

- Женщина с другой планеты. Мне нужен номер ее комнаты.

Хозяин гостиницы потер край своей книги, и над ней появилось голографическое изображение танцоров, кружащихся в вальсе под музыку Штрауса.

Джейто вырвал книгу из рук Мечтателя:

- Говори.

Хозяин гостиницы забрал книгу, даже не подняв на него взгляда. За спиной Джейто послышалось жужжание, и шар Мандельброта толкнул его под локоть.

- Я должен ей кое-что, — сказал Джейто. — Она дала мне Сон.

Это привлекло внимание хозяина. Он поднял глаза, изогнув полупрозрачные брови на полупрозрачном лице.

- Вы пришли заплатить за Сон? — Он рассмеялся. — Вы?

Джейто сделал над собой усилие, чтобы не заскрежетать зубами:

- Вы знаете, что предложить плату необходимо.

- Она живет в четвертом номере, — ответил он.

На самом деле Джейто не ожидал ответа. Но, по-видимому, неписанные законы торговли Снами оказались сильнее отвращения, испытываемого хозяином при разговоре с крупными, непрозрачными людьми.

На верхние этажи вела старомодная лестница. Когда Джейто начал подниматься по ступеням, на стенах возникли голографические картины, наполнявшие пространство красками. Он оглянулся и увидел, как картины тают у него за спиной и лишь несколько светлых искорок еще продолжают танцевать в воздухе, словно следы, оставляемые элементарными частицами в древней пузырьковой камере.

Когда он постучал в дверь четвертого номера, никто не ответил. Он постучал снова. Никакого ответа.

Джейто повернулся, собираясь уйти, но в этот момент за спиной у него раздался щелчок. Оглянувшись, он увидел в дверях женщину-астронавта; свет, лившийся из комнаты, мерцал на золотистых кончиках ее взъерошенных волос. На женщине были серые сапоги до колена и светло-голубой костюм, облегавший фигуру. Костюм оживляли только четыре золотых кольца — по два на каждом плече. Сапоги были украшены трубками, тянущимися

от каблука до верхней части голенища, — старомодно, но красиво.

— Да? — произнесла она.

Джейто проглотил ком в горле, предчувствуя, что сейчас нарвется на отказ. Он попытался сочинить какое-нибудь подходящее вступление, которое успокоило бы ее, возможно, заинтриговало или даже увлекло. Но у него получилось лишь дрожащее:

— Я пришел увидеться с вами. Невероятно, но она отступила, давая ему дорогу:

— Заходите.

Комната была приятной, с золотистыми занавесками на окнах и изящной кроватью, которая выглядела так, будто с нее только что поднялись.

Джейто замялся:

— Я не разбудил вас? Я могу прийти позже.

— Нет. Все нормально.

Она указала на небольшой столик, сверкавший металлическими деталями. Подставка с желобками поддерживала два диска; верхний, с разрезом от центра к краю, плавно перетекал в нижний — такой стиль был обычным в Найтингейле.

Единственным объяснением, которое Джейто удалось вытянуть из Мечтателей, было: «Римановы листы». Он поискал это слово в библиотеке и нашел туманное сочинение о теории комплексных переменных, которая, по-видимому, описывала, каким образом листы выражают математическую функцию.

Когда они сели за стол, Джейто поставил перед женщиной свой сверток и произнес формальные фразы:

— Вы дали мне Сон. Я предлагаю вам в качестве вознаграждения свою работу.

Она пристально взглянула ему в лицо:

— Я не понимаю.

— Прекрасный Сон... — «Интересно, — подумал он, — выгляжу ли я таким же смущенным, каким чувствую себя?» — Я могу предложить вам в качестве платы эту вещь. — Сняв обертку, Джейто показал птицу.

Расставаться с ней оказалось тяжелее, чем он ожидал. Но это был долг чести: он обязан женщине, и это единственное вознаграждение, которое он мог предложить.

Незнакомка сидела, рассматривая труд его жизни, и кровь бросилась Джейто в лицо. Он знал, каких чудес она насмотрелась в Найтингейле. Птица была жалкой в сравнении с ними.

— Она играет музыку, — объяснил он. — То есть не сама играет, но указывает, как играть ее.

Женщина подняла на него взгляд:

— Джейто, я не могу принять это.

На ее лице промелькнуло странное выражение: оно возникло и исчезло слишком быстро, чтобы он мог разгадать его. В другой ситуации он решил бы, что это благоговение. Затем она произнесла:

— Правила запрещают мне принимать подарки. Сквозь огорчение, которое она причинила ему своим отказом, до него вдруг дошло, что женщина позвала его по имени.

— Откуда вы знаете, что меня зовут Джейто?

— После нашего разговора я просмотрела досье о вашем пребывании на Анзатце.

Он уставился на нее. Досье было закрытым. Это являлось условием сделки; пока он делал то, что нужно Кранкеншафту, данные о нем хранились в тайне и он получал относительную свободу передвижения по Анзатцу.

Каким-то образом ему удалось говорить спокойным голосом:

— Как?

— Я попросила, — ответила она. — Властям пришлось разрешить мне.

Черта с два. Они должны были отказать. Неужели его присутствие стало настолько невыносимым, что они решили избавиться от него, несмотря на Кранкеншафта? А может быть, Кранкеншафту он больше не нужен?..

Затем Джейто внезапно осознал, что еще она сказала. Правила запрещают ей принимать подарки. *Правила.*

Разумеется. Он должен был понять это раньше. Золотые кольца на ее костюме — это не украшения. Это знаки различия, означающие ее чин.

— Вы — солдат ИКС, — сказал он. Она кивнула:

— Имперский Глашатай. Второго класса.

Джейто изумленно уставился на нее. Второй класс был аналогичен чину полковника, а «Глашатай» — это эвфемизм для обозначения офицера разведки. Джейто чуть было не начал уговаривать высокопоставленного охотника за шпионами вывезти его с Анзатца!..

ИКС, или Имперская Космическая Служба, — в исследованной людьми части Вселенной она была единственной защитой от Торговцев, чьи войска имели обыкновение «приглашать» населенные миры присоединиться к их растущим владениям. Любые населенные миры — независимо от того, желали они присоединиться к Торговцам или нет. Экономика Торговцев была основана на том, что они называли «добровольным обменом между трудовыми коллективами, созданными для блага рабочих, с одной стороны, и правительством, утверждающим трудовой договор, с другой стороны»; это было одним из самых изящных, хотя и пугающих определений рабства, слышанных Джейто. Империя образовалась в ответ как попытка свободных миров оставаться свободными. Вот почему так много колоний, включая Анзатц, присоединилось к Империи, несмотря на потерю независимости и автократический контроль ИКС.

Джейто заговорил со спокойствием, которого на самом деле не испытывал:

— Вы собираетесь передать меня ИКС?

— Что вы, нет, — ответила она. — Я просто заинтересовалась вами, после того как вы подошли ко мне на той странной лестнице.

Джейто захлестнула волна облегчения, за которым последовали недоверие, обида и смущение. Одним из немногих утешений и удовольствий в его жизни на Анзатце было создание этой птицы. А теперь каждый раз, глядя на статуэтку, он будет вспоминать, как женщина отвергла ее.

Джейто поднялся, и на лице ее отразилось какое-то чувство. Сожаление? Оно было смешано с другими эмоциями, возможно смущением, даже страхом отказа. Оно промелькнуло слишком быстро, чтобы он мог распознать.

Женщина встала.

— Могу я попросить вас о другом даре? О таком, который я могу принять, не нарушая правила?

У Джейто не было никаких других даров.

— Что вы имеете в виду?

— Мне хотелось бы осмотреть Найтингейл. — Она помедлила. — Может быть, вы покажете мне город?

Так ей нужен гид? И верно, он был наилучшей кандидатурой: Мечтатели никогда не снизошли бы до того, чтобы оказать чужаку подобную услугу. Но обычно люди предпочитают обойтись без гида, не желая общаться с осужденным преступником.

Конечно же, в его досье говорится, что он «исправился». А кроме того, ходили слухи, что Глашатаи обладают сверхъестественной силой и ловкостью. Возможно, она настолько уверена в себе, что не видит в нем угрозы.

— Хорошо, — сказал он.

— Ну что ж, отлично. — Оно появилось снова, это обманчивое смущенное выражение. — Тогда, может быть, мы, э-э-э, пойдём?

Он улыбнулся:

— Мне будет проще, если я смогу как-нибудь называть вас.

— О да. Разумеется. — Она по-настоящему покраснела. — Соз.

— Соз. — Джейто низко поклонился ей. — Очень приятно познакомиться.

Выражение ее лица смягчилось, на нем появилась улыбка.

— Мне тоже очень приятно.

Они спустились в вестибюль в неловком молчании. Оказавшись на улице, они быстро пошли через каменный сад гостиницы; высокие фонари освещали минеральные формации высотой с человека, отбрасывавшие длинные тени. На первый взгляд казалось, что камни расположены произвольно, но на самом деле в основе лежала некая упорядоченность, рассчитанная по теории хаоса

Джейто попытался расслабиться. Они с Соз шли по дорожке, ведущей к центру города. Разговоры всегда были для Джейто камнем преткновения. В ранней юности он попытался обсудить этот вопрос с отцом, когда они выпалывали сорняки в поле.

— Насчет девушек... — начал он тогда.

— А что с девушками? — спросил отец.

— Ты знаешь.

Отец присел на корточки.

— Относись к ней хорошо, и она будет к тебе хорошо относиться.

— Я не умею говорить.

— Тогда слушай.

— Не знаю, что значит «относись к ней хорошо».

— Так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе. Джейто подумал, что произойдет, если девушка станет относиться к нему так, как он хочет...

— А что, если у нас возникнут проблемы? Отец нахмурился:

— Постарайтесь этого не делать.

Джейто рассчитывал, что отец, который стал его отцом спустя всего лишь несколько недель после свадьбы с матерью, даст более развернутый ответ.

— А как быть, если это все-таки случится?

— А ты позаботься о том, чтобы этого не было. — Отец махнул мотыгой в сторону Джейто. — Если собираешься сажать семена, мальчик, будь готов принять на себя ответственность, когда они взойдут. — Подняв голову, он взглянул через поле на мать Джейто, которая возилась с поливочными шлангами; длинные волосы рассыпались по плечам, вокруг играли в пыли или помогали ей пятеро младших братьев и сестер Джейто. — Выбери для этого место, которое ты будешь ценить. — Голос его смягчился. — Место, которое сможешь любить.

Джейто внимательно смотрел на него:

— А ты сделал так?

Отец обернулся, и лицо его излучало нежность.

— Да, я сделал это.

Это было самое большее, что Джейто смог вытянуть из него по поводу женщин, секса и любви, но отцовский совет неплохо помогал ему многие годы. Однако в Найтингейле ему очень редко удавалось даже побеседовать с женщиной, не говоря уже о том, чтобы гулять с ней. Так что идти рядом с Соз было непривычно.

В конце концов дорожка превратилась в бульвар. Они оказались на площади перед Симфоническим Залом, около выложенного плиткой бассейна. Включилась лампа, бассейн залился розовым светом, и из воды возник фонтан, описывающий дугу. Затем включилась золотая лампа, за ней — фонтан из двух арок, затем зеленая и три дуги, и так далее, и каждый фонтан добавлял что-то к общей картине. Все вместе они образовали огромный туманный квадрат. Водяные брызги летали вокруг, и туман окутывал лица Джейто и Соз.

— Это прекрасно, — сказала Соз.

Джейто смотрел на нее, очарованный этой картиной: окрашенный во все цвета радуги туман окружал ее, словно аура, придавая ее милому лицу нечто небесное. Она была похожа на акварельный портрет, выполненный светящимися красками.

— Это называется Фонтан Фурье, — объяснил он. Она улыбнулась:

— Это как ряд Фурье?

— Верно. — Он сделал над собой усилие, чтобы не выпалить, как ему нравится ее

улыбка. — Водяные арки не могут комбинироваться, как настоящие волновые гармоники, но в общем процесс передан неплохо.

— Это уникально. — Она глянула вниз, на его руки. — Джейто, посмотрите. Ваша птица.

Он поднял статуэтку и понял, что Соз имеет в виду. Свет ламп отражался от поверхности птицы так, что окружал ее фигуру радужным нимбом.

Соз протянула руки:

— Можно мне?

Он отдал ей статуэтку, и Соз повертела ее из стороны в сторону, глядя, как свет переливается на ее гранях.

— Что вы имели в виду, говоря, что она играет музыку?

— Угол каждой фасетки обозначает ноту. Интересно, найдет ли он слова, чтобы объяснить это?

Прежде чем сочинять фугу, Джейто пытался изучать теорию музыки, но в итоге ему пришлось довольствоваться тем, что казалось ему верным. Он не играл на музыкальных инструментах и не мог мысленно написать ноты, не услышав их сначала. Джейто нужен был компьютер, чтобы исполнять его сочинение. Мечтатели упорно игнорировали его просьбы обучить его работе в сети, так что он пробирався на ощупь и в конце концов научился пользоваться одной консолью в библиотеке.

— А я могу услышать эту музыку? — спросила Соз. Эта просьба вызвала у Джейто неожиданный приступ паники. А вдруг ей не понравится то, что она услышит, этот музыкальный автопортрет, который он создал с таким трудом?

— Я не могу играть ее, — ответил он. — Для этого нужны четыре арфы, построенные по принципу сферических гармоник.

— Мы можем сделать это на сетевой консоли. Джейто едва не сказал «нет». Но он должен ей за Сон, а фуга оплатит его долг. Прогулка по Найтингейлу не в счет; долг за Сон мог быть оплачен только произведением искусства, созданным должником. Но он все еще сомневался:

— До консоли, которой я пользуюсь, далеко. Она указала на Симфонический Зал:

— В этом здании должны быть общедоступные консоли. Джейто представил себе, что она подумает о взрослом человеке, который не может войти в сеть города, где прожил несколько лет. Он долго молчал, прежде чем ответить:

— Я не могу воспользоваться ими.

— Там нет помещения с консолями?

— Есть.

— Разве вы не можете связаться отсюда с вашей персональной консолью?

Мышцы его так напряглись, что он почувствовал, как свитер натянулся на плечах.

— У меня нет персональной консоли. Она моргнула:

— У вас нет персональной консоли?

— Нет.

— А где вы работаете?

— В библиотеке.

— Возможно, отсюда мы сумеем связаться с библиотечной системой. — Она глядела ему в лицо, словно пыталась разгадать мысли. — Я могу устроить это для вас.

Так. У него закончились отговорки. После очередной неловкой паузы он ответил:

— Хорошо.

Джейто привел Соз в одно из уединенных помещений Симфонического Зала. Комната была залита голубым светом, пол устлала голубые ковры. Белые общественные консоли, выполненные в виде различных скульптур, располагались по периметру, образуя живописную картину.

Соз уселась на мягкий табурет перед ближайшей консолью:

— Открыть гостевой вход.

Экран засветился голубым, и Джейто чуть не рассмеялся. Только Мечтатели могли подстроить дизайн помещения под цвет сетевой консоли.

— Добро пожаловать в Найтингейл, — сказала консоль. — Чем я могу вам помочь?

— Мне нужен доступ в библиотеку, — ответила женщина. — Создай здесь корневой каталог, стандартную разветвленную структуру, необходима также возможность формирования голограмм, максимально допустимый объем памяти, полный доступ к общественным узлам, все разрешенные опции анонимного перемещения данных.

— Уточните узлы, которые вы предпочитаете, — произнесла консоль.

— Узел, необходимый, чтобы создавать музыкальные файлы при имеющемся представлении партитуры и алгоритме отображения.

Новый голос заговорил нежным, мягким тоном:

— Это Требл.⁴ Пожалуйста, введите партитуру и задайте алгоритм.

Соз взглянула на Джейто:

— Вы можете открыть их отсюда.

Джейто тупо посмотрел на женщину. Она как будто говорила на непонятном языке. Он даже не знал, что существуют эти компьютеры, с которыми она разговаривала.

— Открыть что?

Она поднялась и отошла в сторону:

— Скажите Треблу, как открыть ваши файлы.

— У меня нет доступа.

— У всех есть доступ.

Он сделал над собой могучее усилие, чтобы не заскрежетать зубами:

— Значит, я никто. Соз вздрогнула:

— Простите. Я не хотела вас обидеть. — Она собралась еще что-то сказать, но остановилась. Оглядев помещение, она заметила: — Должно быть, за этой комнатой легко наблюдать.

— Возможно. — «Она подумала, что Мечтатели следят за нами?» — Роботы не выпускают меня из поля зрения.

Соз кивнула. Вопросы и комментарии, которые она собиралась сделать по поводу отсутствия у него доступа к компьютерам, остались произнесенными. Вместо этого она указала на горизонтальный экран, расположенный на консоли:

— Если вы поставите сюда статуэтку и дадите Треблу алгоритм для отображения фуги, он создаст голограмму птицы, оцифрует ее, преобразует алгоритм и применит его к цифровым данным.

Джейто пожелал перенестись куда-нибудь в другое место. Это оказалось еще хуже, чем заминка у дверей гостиницы. В тот раз, по крайней мере, он обнаружил свое невежество перед неодушевленным предметом.

— Я понятия не имею о том, что вы сейчас предложили. Невероятно, но Соз вспыхнула, словно идиоткой выглядела она, а не он.

— Джейто, это моя работа. Попросите меня рассчитать эффективность двигателя, вычислить курс, разработать стратегию боя — тут я ас, как вы в вашем искусстве. Но поставьте меня перед симпатичным мужчиной, и я становлюсь неловкой, как жердь в кувшине.

Он уставился на нее. Ас... *как вы в вашем искусстве*. Она решила, что он ас. И к тому же симпатичный... Джейто улыбнулся:

— Ничего подобного. — Он махнул в сторону консоли. — Так мне надо поставить статуэтку туда?

Напряженное выражение исчезло с ее лица.

— Именно. Потом скажите Треблу, как получить ноты.

⁴ Treble — дискант (англ.).

Он поставил птицу на экран, и два лазерных луча заскользили по ней, заставляя фасетки искриться. Когда лучи остановились, он сказал:

— Требл?

— Слушаю вас, — отозвалась консоль.

— Угол, который фасетка образует с основанием, определяет ноту. Высота ноты изменяется линейно с углом: фасетки, параллельные основанию, означают ноту на три октавы ниже до, а перпендикулярные — на три октавы выше. — Он прикоснулся к статуэтке, погладил крылья кончиками пальцев. — Каждая плоскость, параллельная основанию, задает аккорд, а каждая фасетка в этой плоскости — нота в аккорде. Чтобы сыграть фугу, надо начинать с основания и двигаться к верхушке.

— Высота является дискретной или непрерывной переменной?

— Непрерывной.

Только компьютер мог играть музыку, исходя из таких данных. Людям потребовались бы плоскости дискретной высоты. Если интервалы между плоскостями будут достаточно малыми, человеческая версия приблизится к компьютерной. Но фуга могла звучать так, как задумал Джейто, только тогда, когда расстояния между плоскостями станут так малы, что практически будут равны нулю.

— Фасетки с одним краем нужно играть на арфе-баритоне, построенной по принципу сферических гармоник, — продолжал он. — Два края — тенор, три — контральто, четыре — сопрано. Громкость возрастает линейно с толщиной покрытия, от пианиссимо до фортиссимо. Темп изменяется в зависимости от длины волны света, соответствующей цвету покрытия. — Он постучал по консоли. — Красный. — Увеличил темп. — Фиолетовый.

— Данные приняты, — сообщил Требл. — Еще какие-нибудь уточнения?

— Нет. — Затем, сообразив, что ему предстоит наблюдать за реакцией Соз, Джейто добавил: — Снизить яркость освещения на пятьдесят процентов.

Лампы потускнели, и комната наполнилась неясными синими тенями. Было слишком темно, чтобы он мог четко видеть лицо Соз.

Раздался низкий звук — рокот баритона арфы. Несколько тактов баритон звучал один, затем к нему присоединился тенор, игравший ту же мелодию мягко и нежно. Затем вступило контральто и, наконец, сопрано, прекрасное, как заря.

Требл воспроизводил музыку гораздо более мягко, чем общая программа которой Джейто пользовался в библиотеке. Да, это была его фуга — этот минорный тон, эта последовательность, это арпеджио. Требл все сделал правильно. Сопрано мерцающей колоратурой поднималось по изогнутой шее птицы. По комнате плыли ноты, сияющие и причиняющие боль, слишком яркие, чтобы их можно было вынести долгое время. Другие арфы вступили, подобно подводным течениям, приглушив сопрано глубокими тонами. У головы птицы сопрано снова вырвалось вперед, словно фонтан звуков.

Да. Требл все сделал правильно. Требл знал свое дело.

Постепенно музыка замедлила темп, скользя по расправленным крыльям птицы. Наконец остался лишь баритон, рокочущий вслед угасающему сопрано. Последние ноты разнеслись по комнате и стихли.

Джейто стоял неподвижно, боясь пошевелиться, чтобы не заставить Соз выдать свою реакцию. Но тишина была невыносима. Что она думает об этом? Он выразил в этой музыке себя, уязвимую часть своей души, без преград, без защиты.

Лицо Соз было повернуто в сторону консоли, так что он видел лишь ее профиль. На ее щеке что-то блеснуло. Что-то скользило по ее лицу.

Джейто прикоснулся к слезе:

— Почему вы плачете?

— Это так прекрасно. — Она подняла на него взгляд. — Так невыносимо печально и так невыносимо прекрасно.

Прекрасно!.. Она считает его музыку прекрасной. Он хотел что-то ответить, пошутить, сказать что-нибудь незначущее, но не смог. И он притянул ее к себе, прижался щекой к ее

волосам.

Соз не отстранилась. Напротив, она обняла Джейто, и он вдыхал свежий аромат ее чистых волос... Она тихо произнесла:

— Какое место в Найтингейле тебе больше всего нравится?

— Променад.

— Ты отведешь меня туда? Он сглотнул ком в горле:

— Пойдем.

3. Ребро Гиганта

Западный край плато, залитый светом звезд, резко обрывался, сменяясь бесконечными, острыми, как зубья, скалами Скелета Гиганта. Их ущелья хищно вгрызались вглубь планеты — это были разрушительные последствия ужасающего столкновения с астероидом, происшедшего в давно исчезнувшую эпоху. Стенки между щелями щетинились пиками, похожими на пальцы скелета

Кое-где естественные образования, точно мосты, связывали края бездонных пропастей, но большая часть этих мостов обрывалась, и обломки их висели над бездной.

Само плато могло похвастаться одним из немногих целых мостов. Это и был Променад. Он начинался у южного края плато, тянулся по всей его длине и заканчивался высоко в горах у северного края. Двухкилометровый мост шириной в среднем всего два метра образовывал арку над огромной расщелиной. Пики, торчавшие на краях трещины, поддерживали его, словно каменные колонны.

Мечтатели обработали верхнюю часть Променада, вырезали в камне тропу, оставив по сторонам ее две метровые стенки. У южного края моста был устроен двор, украшенный геометрическим узором из позолоченных плиток и волнистыми эмалевыми линиями.

Ветер едва не унес куртку Джейто и разметал волосы Соз, закрыв ее лицо, когда пара пересекала двор. Соз что-то сказала, но из-за ревущего ветра Джейто не расслышал слов и наклонился к ней:

— Что-что?

Ее дыхание щекотало его ухо.

— Хорошее начало!

— На Променаде ветер еще сильнее.

— Спорим, я первая добегу? — Она сорвалась с места и, наклонившись вперед, побежала вверх по дуге моста.

Засмеявшись, Джейто попытался схватить ее, но она летела, словно ракета.

Они пробежали целый километр к вершине. Оказавшись на середине моста, Соз раскинула руки в стороны и закружилась; волосы развевались вокруг ее головы. Она заговорила, но ветер унес ее слова. Когда Джейто покачал головой и показал на свои уши, она прокричала:

— Далеко до дна?

И перегнулась через парапет, глядя в простирившуюся внизу бездну.

— Три километра! — Джейто оттащил ее в безопасное место, его птица прижалась к спине Соз, затем развернул ее к себе. Мост задрожал под порывом ветра, и сердце Джейто застучало сильнее.

Соз подняла к нему раскрасневшееся лицо. Ветер, ночь, опасность — это вдохнуло в нее жизнь. Не успев подумать, что делает, он заключил ее в объятия.

Обхватив Джейто руками за шею, она наклонила к себе его голову и поцеловала его. Он страстно ответил на поцелуй, вознаграждая себя за восемь лет одиночества. Он не мог поверить в это — она хотела его. Кто бы мог подумать?

Джейто застыл. Почему она хотела его? Подняв голову, он взглянул на нее сверху вниз. Он заключен на Анзатце до конца жизни, и оба они знали, что она скоро уедет. А если она просто решила воспользоваться изголодавшимся по любви заключенным, а потом вернется к

своей жизни и забудет о нем?

Соз наблюдала за выражением его лица, и ее глаза то были видны, то исчезали за прядями волос, развеваемыми ветром. Она прикоснулась к его щеке пальцами, нежными, как улыбка, которая возникала и снова пряталась за прекрасными кудрями. Джейто решил, что «почему» не имеет значения. Ему столько нужно было сказать ей — как она желанна, как она прекрасна, но ему приходили в голову лишь какие-то неуклюжие фразы. И вместо слов он снова поцеловал ее.

Мост вибрировал все сильнее, словно палуба корабля при качке. Наконец его тряхнуло так, что Соз и Джейто отшатнулись друг от друга. Мост разделил их, как дуэнья. Они полетели в разные стороны, спотыкаясь и размахивая руками, чтобы не потерять равновесия. Джейто рассмеялся, а Соз распростерла руки, точно обращаясь с протестом к самому Скелету Гиганта.

Затем что-то на плато привлекло ее внимание. Она снова подошла к парапету и принялась вглядываться в Найтингейл:

— Что это там?

Взглянув вниз, Джейто увидел то, о чем она говорила, — знакомые фигуры, высокие, массивные, расположенные на полпути между городом и краем плато. Иногда эти гигантские каменные чудовища были освещены, а в остальное время стояли во тьме, как сейчас, навечно открыв пасти в безмолвном реве.

— Ветряные Львы, — ответил Джейто. Подойдя к Соз, он встал позади и обнял ее за талию. — Агрегаты для создания ветра. Если их включить, скалы усилят их действие.

— Неудивительно, что здесь такая буря. Он наклонил голову и произнес ей в ухо:

— Это обычный ветер. Львы сейчас выключены. Когда его дыхание коснулось ее уха, она прикрыла глаза и вздохнула. Прижавшись к нему спиной, Соз подняла руки и обняла его за шею. При движении груди ее шевельнулись, соски напряглись. Джейто поцеловал ее в ухо, и она потерлась головой о его щеку, словно кошка. Затем замурлыкала — очень тихо, так что он мог слышать ее, только приблизившись к ней вплотную. Это был один из забытых им звуков, которые издает женщина, когда ей нравится, как мужчина прикасается к ней. Может быть, свою роль сыграли и восемь лет одиночества, но Джейто не мог припомнить ни одной женщины на Сэндсторме, которую так приятно было обнимать. Он представил, каково это — заниматься любовью здесь, под бурными порывами ветра, на высоте трех километров над пропастью.

— А почему нет? — спросила она.

Джейто улыбнулся. Действительно, почему нет?

— «Почему нет» — что?

Она опустила руки и обернулась навстречу его объятиям:

— Почему они не всегда включены? Он наклонил голову в сторону двора:

— Помнишь рисунок там, на полу? Волнистые линии? Соз кивнула, и он продолжал:

— Это график вихревых линий, образуемых осциллятором первого порядка с незатухающими торсионными колебаниями. — Он откинул с лица Соз развевающиеся пряди. — Ветер заставляет Променад колебаться. Если порывы окажутся достаточно сильными, образованные ими вокруг моста завихрения вызовут самонаведенный резонанс и Променад разрушится.

— Так о чем они думали, когда строили такой мост? Джейто улыбнулся:

— Просто они сумасшедшие.

Он наклонил голову, чтобы поцеловать ее, и в этот миг мост яростно задрожал и их швырнуло к парапету. Они, спотыкаясь, заковыляли вдоль стены, пытаясь восстановить равновесие. Но это не помогло; наконец они упали, с глухим стуком ударившись о камень.

— Эй! — засмеялась Соз, извиваясь и пытаясь выбраться из-под массивного тела Джейто. — Он сердится на нас.

— Никогда не видел, чтобы здесь было так ветрено.

Джейто удалось встать на колени, но когда Соз попыталась сделать то же,

разбушевавшийся мост вновь сбил ее с ног. Наконец она смогла подняться; Соз двигалась с необычайной скоростью, словно переключив какой-то рычаг, активирующий сверхъестественные способности ее организма.

Они стояли на коленях лицом к лицу: Джейто держал Соз за плечи, а она упиралась ладонями ему в грудь. Променад продолжал раскачиваться — еще сильнее, чем раньше, по нему почти шли волны. Он стонал под натиском ветра, как будто сам Гигант поднимался из своей горной могилы.

Соз больше не улыбалась.

— Львы включены. Джейто возразил:

— Это невозможно. Мечтатели дорожат Променадом. Они ни за что не разрушат его.

— Весь мост дрожит. По-моему, он скоро рухнет. Они обменялись взглядами. Затем кое-как поднялись на ноги и бросились бежать к северному краю. Скалы были ближе, чем дворик, но даже при этом Соз и Джейто необходимо было преодолеть почти километр.

Внезапно мост накренился, словно гигантский ребенок дернул струну. Взмахнув руками в попытке найти опору, Джейто врезался в парапет и оказался чуть ли не над пропастью. В тот же миг его швырнуло назад: это Соз с неожиданной силой оттащила его от края. По инерции они покатались через мост к противоположному парапету.

И затем это случилось: раздался громopodobный треск, потом грохот, как будто от Скелета Гиганта отламывалось огромное каменное ребро. Мост затрясся, и они, упав, распростерлись на камнях. Перекатившись на бок, Джейто ухватился за Соз, и они обнялись, а вокруг рушилась вселенная.

Через несколько секунд яростная тряска утихла. Им удалось сесть, держась друг за друга, и они, как замороженные, уставились туда, откуда пришли.

В нескольких метрах от них в воздухе повис обломок Променада.

Несколько бесконечных мгновений Джейто и Соз смотрели на зазубренные остатки моста. Сооружение еще раз вздрогнуло, кусок камня отвалился от края, полетел в бездну и исчез во тьме.

Осторожно, очень осторожно Джейто и Соз поднялись на ноги. Они пятились, ступая медленно, словно по минному полю. Лишь отойдя на порядочное расстояние от края, они развернулись.

И бросились бежать.

Променад застонал под натиском урагана. Они неслись среди завывающего ветра и трясущихся скал, неслись к скрытой в тени горе, до которой, казалось, было бесконечно далеко.

К счастью, в конце концов они оказались у цели. Еще несколько шагов...

До убежища оставался всего метр, но тут мост закачался, и их швырнуло к парапету. Мимо Джейто промелькнули звезды, и он перелетел через барьер. Джейто попытался схватиться за воздух, за камень, за что-нибудь...

Внезапно Джейто, больно ударившись, остановился. Он наткнулся на какой-то выступ и висел над пропастью, болтаясь на внешней стороне Променада. Джейто попытался нащупать ногой опору, но мост трясся слишком сильно, и у него ничего не получилось. Далеко внизу бездна ждала его.

Пальцы его начали соскальзывать.

— Джейто! — Голос Соз донесся откуда-то сверху. Она упала на парапет, растянулась вдоль него, свесив ногу.

— Я под тобой! — выкрикнул он. Руки соскользнули еще немного.

Не успела Соз схватить Джейто, как пальцы его разжались. Она поймала его за запястье — и он, падая, стащил ее со стены. Они падали, падали, падали...

И с размаху ударились о землю. Соз рухнула на Джейто с такой силой, что едва не сломала ему ребра. Затем спозла с него и продолжала катиться вниз, хватаясь за камни. Джейто вцепился ей в плечо, но оно выскользнуло, тогда он схватил ее за локоть, за запястье — и в конце концов за ладонь; они отчаянно сжали пальцы, продолжая скользить вниз.

Джейто пытался остановить падение, но не мог.

Затем он поймал какой-то выступ, вцепился в него изо всех сил, и тело его напряглось под тяжестью Соз. Снизу послышался скрежет — и она выпустила его руку.

— Соз, нет! — Он хватал ртом воздух. — Соз! До него донесся напряженный голос:

— Все в порядке. Ты помог мне замедлить падение, и теперь я сумею удержаться здесь, на уступе. Мы находимся на каменной полке под Променадом.

— Откуда ты знаешь? Здесь темно. Мост закрывал даже свет звезд.

— В мои глаза встроена сверхчувствительная оптика, — ответила Соз.

Джейто снова услышал скрежет, и затем она, подтянувшись, оказалась рядом.

Они начали карабкаться вверх по скале, с муками преодолевая сантиметр за сантиметром. Соз добралась до площадки в конце Променада и поднялась на ноги; ее фигура вырисовывалась на фоне звезд. Джейто взобрался вслед за ней, ожидая, что камни обрушатся у них под ногами. Но теперь они стояли на твердой скале, на вершине лестницы, которая, извиваясь среди утесов, вела вниз, к плато.

Они спускались в молчании. Постепенно ветер стих, и от неистовой бури осталось лишь легкое дуновение.

Наконец Соз произнесла:

— Кто-то знал, что мы были там, наверху.

— Роботы.

Джейто подумал: а может быть, Кранкеншафт запустил в городскую компьютерную сеть программу, которая сообщала ему, когда кто-нибудь заглядывал в материалы суда? Кто бы ни включил Ветряных Львов, сейчас злоумышленник должен быть в отчаянии, понимая, что начатое нужно завершить прежде, чем Соз улетит с планеты и доложит обо всем в ИКС.

— Я не собиралась заниматься твоим делом, — сказала Соз. — Я хотела вернуться в штаб-квартиру и рекомендовать руководству прислать следователя.

Следователя? Джейто замер. Если вмешается ИКС, его снова будут судить в Имперском суде.

— Соз, зачем? Я отбываю наказание, к которому меня приговорили.

Она спокойно ответила:

— Чтобы выяснить, зачем кому-то понадобилось выдвигать фальшивое обвинение против тебя.

Это потрясло его. Действительно потрясло. Кранкеншафт дотошно собрал улики, главным образом для того, чтобы убедить таких людей, как Соз.

Джейто не сразу обрел дар речи.

— Как ты узнала, что оно фальшивое? Соз фыркнула:

— Я видела голографические изображения того ребенка, которого ты якобы убил. Он болтался вокруг портовых доков, наблюдая, как разгружают корабли.

— Этот «ребенок» создан с помощью компьютера. Он никогда не существовал.

— Я знаю.

— Но откуда?

Она махнула рукой в сторону космопорта:

— На нескольких голограммах виден корабль, за которым наблюдает жертва. Это Поисковый Корабль Тэйлор четвертого класса Восемь лет назад на этих кораблях для освещения стыковочных отсеков использовались нестандартные прожекторы. Лампы Кегуля. Разрекламированные как «не уступающие солнечному свету». Они испускали не только видимый свет, но и ультрафиолетовое излучение.

— Звучит разумно. Соз покачала головой: — УФ-компонента была слишком мощной. Свет вызывал ожоги. Так что эта модель быстро вышла из употребления. И вообще они использовались лишь на нескольких кораблях.

Джейто присвистнул:

— В коже Мечтателей содержится меньше меланина, чем у обычных людей. Это делает их более чувствительными к УФ-облучению.

Соз так же бесстрастно продолжала:

— Любой Мечтатель, проведя столько времени на свету подобных ламп, сколько якобы провел этот ребенок, сварился бы заживо. Эти голограммы выполнены отлично, почти безупречно. Вероятно, девяносто девять целых девять десятых процента людей, просмотрев их, будут обмануты. Но все же это фальшивка. — Взглянув на него, она добавила: — И это не все.

— Что еще?

— Судебный процесс.

— Судебный процесс?

— Если просмотреть записи, можно легко распознать симптомы шока. — Соз наблюдала за его лицом. — У тебя. На каждой голограмме. Ты едва ли произнес хоть слово на суде.

Весь этот кошмар лишь смутно отпечатался в памяти Джейто.

— Что бы я ни говорил, это не имело никакого значения.

— Но зачем, Джейто? Судя по тому, как Мечтатели относятся к тебе, — прости меня, но они ведут себя так, словно терпеть тебя не могут.

— Я вызываю у них отвращение.

— Тогда зачем удерживать тебя здесь? Голос Джейто зазвучал напряженно:

— Из-за Гранитного Кранкеншафта.

— Это еще что?

— Не «что», а «кто». Это Мечтатель. Он хотел, чтобы я стал его моделью. До конца жизни. Позировал бы ему бесплатно, лишь ради «чести» жить здесь. Я отказался. Я решил, что он сошел с ума.

Соз уставилась на Джейто:

— Он обвинил тебя в убийстве только потому, что ты отказался стать его моделью?

— Я не знаю почему. Он считает меня отталкивающим, как и все остальные. — Джейто развел руками. — Он воспользовался шантажом, потому что это более эффективно, чем похищение. Пока я сотрудничаю с ним, он не привлекает имперские власти.

— И все это затем, чтобы писать с тебя картину?

— Не картину. Голографическую скульптуру. Она есть в сети. Я никогда не видел, что он там делает. — Он вздохнул. — Ставки высоки, Соз. Его скульптуры приносят ему миллионы. А несколько вещей было продано за миллиарды.

Она прервала его:

— Этот Кранкеншафт — у него блестящие волосы?

— Не знаю. Они слишком коротко острижены.

— Черные?

— Да.

— А его глаза?

— Серые, с красными ободками.

— Налитые кровью?

— Нет. Сами радужные оболочки красные. Женщина глубоко вздохнула, и Джейто ощутил на лице ее дыхание.

— Тогда в этом есть какой-то смысл.

— Вот как?

— Эту колонию основали Торговцы.

Джейто поразило не само это замечание, а тон, которым Соз произнесла его, — словно это был общеизвестный факт, а не сомнительное утверждение, которое Мечтатели яростно отрицали. Торговцы представляли собой генетически модифицированную человеческую расу, отличались красными глазами и черными, сильно блестящими волосами. Их создатели всего лишь пытались лишить их чувствительности к боли, но в процессе работы возник непредвиденный побочный эффект: Торговцы не чувствовали также душевной боли — они

не могли испытывать сострадания.

Раса лишенная сочувствия к мучениям других людей, могла принести много вреда. И быстро. Когда они начали распространять сферу своего влияния во Вселенной, у колоний осталось лишь два варианта: подчиниться им или присоединиться к Империи. Насколько было известно Джейто, никто никогда по собственному желанию не выбирал Торговцев.

Существовало мнение, что Мечтатели происходили от группы Торговцев-гениев, которые воспротивились своим жестоким инстинктам. Манипулируя генами, они избавились от этих инстинктов, а в качестве неожиданного побочного эффекта кожа их стала полупрозрачной. Это заставило их поселиться на Анзатце, в спасительной темноте, где они обменивали плоды своего труда на Сны, расплачиваясь за грехи своих отвратительных сородичей.

— Возможно, у Кранкеншафта в организме имеются атавистичные гены, — предположил Джейто. — А также у его жены. Она похожа на кусок льда.

Соз внимательно рассматривала его:

— А знаешь, что, если бы не твои глаза и довольно тусклые волосы, ты мог бы сойти за Торговца?

Он напрягся:

— Черта с два. Я знаю свое происхождение...

— Джейто, — она положила руку ему на локоть, — никто никогда не примет тебя за Торговца. Это проблемы Мечтателей, а не твои. Они сделали себя мягкими, отвергли своих предков. Твой высокий рост, темные волосы и крепкое телосложение, наверное, вызывают у них воспоминания, которые им неприятны. Возможно, поэтому им невыносимо видеть тебя.

Странная идея. Джейто никогда бы не пришло в голову, что Мечтатели не выносят его потому, что он напоминает им их самих.

Соз внимательно посмотрела вниз, хотя они находились слишком высоко, чтобы видеть что-нибудь, кроме одинокого круга света, отбрасываемого лампой у подножия лестницы.

— Как ты думаешь, кто активировал Ветряных Львов? — Соз обернулась к нему. — Против нас городское управление или этот Кранкеншафт? Или все вместе?

Джейто поразмыслил:

— Большая часть чиновников не знает, что меня подставили. Те немногие, кто посвящен в заговор, были бы более осторожны, сделали бы все проще и представили нашу гибель как несчастный случай. А история с Ветряными Львами в духе Кранкеншафта. Ему нравятся драмы — он изобразил бы все так, словно я спланировал изнасилование, убийство и самоубийство.

— Какой приятный человек, — пробормотала женщина. — Но глупый. ИКС никогда не купилась бы на это. Я обладаю немалой силой и быстрыми рефлексам. Ты умер бы раньше меня.

— Даже если бы Променад обрушился? Это заставило Соз задуматься.

— Это усложнило бы задачу, — призналась она. Затем указала в сторону плато. — Если Львов включил Кранкеншафт, то вон те роботы, должно быть, принадлежат ему.

— Роботы? — Джейто выругался и начал было подниматься по ступенькам.

Соз схватила его за руку:

— Там нет выхода.

Он остановился, сообразив, что она права. Они не могли подняться, не могли спуститься, а внизу зияла пропасть. Настало время выяснить, какое оружие, если оно вообще есть, находится в их распоряжении.

— Что еще ты умеешь делать, кроме как видеть в темноте?

— В моем позвоночнике расположен компьютерный узел, он содержит запас боевых рефлексов. — Она согнула руку в локте. — Мой скелет и мышцы усовершенствованы с помощью гидравлических механизмов, работающих под высоким давлением, они получают энергию от микрореактора мощностью несколько киловатт. Это дает мне силу и быстроту рефлексов, в два-три раза превышающие нормальные, больше мое тело не способно

выдержать без перегрева.

— Ты можешь остановить эти шары?

— Я могла бы справиться с тремя или четырьмя. Но там их девять. — Она снова взглянула вниз. — Они приближаются.

Теперь Джейто тоже заметил их; шары переключились в активный режим. Они отбрасывали вперед лучи света, описывавшие фрактальные кривые.

— Джейто, — произнес чей-то голос.

Он чуть не подпрыгнул. Голос раздавался из ниоткуда — холодный, бесстрастный, повелительный.

— Спускайся, — приказал голос. — Приведи с собой женщину.

Когда Джейто немного успокоился, он понял, что это всего лишь трансляция с помощью шара.

— Убирайся к дьяволу, Кранкеншафт.

— На спуск у тебя двадцать секунд, — ответил его мучитель.

— Отпусти ее, и я сделаю то, что ты хочешь, — сказал Джейто.

— Пятнадцать секунд.

Шары приближались, жужжа, словно рой гигантских жуков. До них оставалось десять ступеней, пять, две... Зашипел шприц, и Соз с головокружительной быстротой сделала выпад, выбросив вперед ногу. Каблук врезался в один из шаров, и робот полетел вниз с обрыва, описав сверкающую дугу.

Второй шар тут же занял его место, сбоку возник третий, четвертый загудел за спиной Соз, пятый навис над ними, направив вниз свой шприц, словно пушку миниатюрного боевого корабля. Джейто и Соз непрерывно двигались: делали выпады, уклонялись от шаров, снова выпады... Соз работала с невероятной скоростью. Два шара, нацелившиеся на нее, столкнулись в воздухе, раздался резкий скрежет ломающихся керамических стенок.

Всего через несколько секунд шприц ужалил Джейто в грудь. Область вокруг укола почти сразу же онемела, это ощущение быстро растеклось по телу. Руки его обмякли, он потерял равновесие и покатился по лестнице. Мимо него проносились ступени, звезды и скалы...

Ему удалось бросить лишь один последний взгляд на Соз — она навзничь лежала на ступеньках, — а затем он потерял сознание.

4. Утренняя заря

Сфокусировав взгляд, он увидел высокий потолок. Спустя несколько мгновений в мозгу Джейто возникла мысль. Он жив.

Джейто сел, стараясь не потревожить ушибленные места. Он находился в мастерской Кранкеншафта, один. Нет, не один. Соз лежала на противоположном краю уступа, глаза ее были закрыты, грудь мерно поднималась и опускалась. Волна облегчения пробежала по его телу, а затем Джейто охватило первобытное желание подойти к Соз, объявить ее своей, защитить от Кранкеншафта. Это было не самое разумное побуждение, если учесть, что она являлась Имперским Глашатаем, но оно возникло.

Джейто удивился тому, что Соз все еще не пришла в сознание. Даже в его теле содержались нанороботы, способные устранить последствия отравления. В организме офицера ИКС должны присутствовать целые лаборатории.

Когда Джейто слез с уступа, раздался какой-то звон. Обернувшись, он увидел цепь, один конец которой был прикреплен к кольцу в стене. Второй конец соединялся с обручем, охватывавшим его щиколотку.

Джейто заскрежетал зубами, желая обмотать эту цепь вокруг шеи Кранкеншафта. Но, по крайней мере, привязь была достаточно длинной, чтобы он мог добраться до Соз. Это едва не заставило его вернуться: он не доверял Кранкеншафту. Но инстинкты его работали, побуждая защитить подругу, и Джейто приблизился к ней.

Кранкеншафт не питал иллюзий в отношении Соз и сделал все, чтобы она не смогла постоять за себя. Руки ее были скованы за спиной, цепь соединяла наручники с кольцом в стене. Сапоги с нее сняли и приковали к стене также и ноги. По какой-то непонятной причине Кранкеншафт надел ей на шею и талию металлические обручи. Джейто склонился над ней, собираясь положить руку ей на лоб...

Рука Соз схватила его запястье так быстро, что он едва заметил это движение. Джейто застыл на месте, пораженно глядя, как она садится. По ее виду было незаметно, что цепь, соединявшая ее наручники, сломана.

Он обрел дар речи:

— Как ты смогла освободиться?

Соз выпустила его руку, и на лице ее отразилось облегчение при виде Джейто.

— Нанопилы. Во мне находится несколько сотен штук.

— Ты имеешь в виду аппараты молекулярного расщепления?

— Они выделяются с потом.

Джейто отступил назад. Ему не хотелось, чтобы прожорливые роботы в ее поту разобрали его атом за атомом.

— Они не причинят тебе вреда, — сказала Соз. — Каждая нанопила разлагает определенный материал. Те, которые имеются во мне, обладают высокой специфичностью, вплоть до производственного номера партии.

Он указал на ее скованные ноги:

— Неверный номер партии?

— Очевидно, так. Или сбой в молекулярной структуре. — Наклонившись, Соз принялась тереть рукой цепь, прикованную к его ноге.

— Эй, — Джейто отдернул ногу, — что ты делаешь?

— Возможно, они сработают на твоей.

— А тебе не кажется опасным носить в своем теле роботов, способных разрушать вещи?

— Это не роботы. Это всего лишь ферменты. И они не более опасны, чем пребывание в этой ловушке.

Он знал, что это, скорее всего, правда, но все равно решил умерить свой любовный пыл. Люди потеют, когда занимаются любовью. И сильно.

— Джейто, не смотри на меня так, — попросила Соз. — Ферменты-разрушители вырабатываются узлами в моих потовых железах, а эти узлы активируются только тогда, когда я перехожу в боевой режим. А кроме того, они не могут разрушать людей. Наш состав слишком сложен.

Он сел на уступ, рядом с ней, но не слишком близко, и пошевелил своей по-прежнему скованной ногой.

— Неверный номер, я думаю.

— Вероятнее всего, так.

Соз потянула наручник, обвивавший ее запястье, и ей удалось переместить его примерно на сантиметр. Кожа на ее руке была более эластичной, чем у обычных людей, — не намного, но достаточно для того, чтобы сдвинуть наручник. Джейто увидел, что искала Соз, — небольшое круглое отверстие в запястье.

— У тебя дыра в теле, — сказал он.

— Вообще-то их шесть. В запястьях, щиколотках, нижней части спины и на шее.

Это объясняло обручи на шее и талии.

— И зачем они нужны?

— Чтобы принимать сигналы. — Она подняла руку, направив отверстие в сторону консоли, расположенной на противоположной стороне комнаты. — Если я вставлю разъем вон того компьютера в это гнездо, то компьютерная сеть внутри моего тела свяжется с консолью.

Это звучало не слишком оптимистично.

— Но разъем там, а ты здесь.

— Вот почему консоли передают инфракрасные сигналы. — На ее лице появилось отстраненное выражение, словно она произносила заготовленные фразы, мыслями находясь в другом месте. — Отверстия действуют как приемники и передатчики инфракрасных сигналов. Биооптические нити в моем теле передают сигналы компьютерному узлу, расположенному в спинном мозгу. Он обрабатывает данные и либо отвечает, либо связывается с головным мозгом. Биоэлектроды в нейронах преобразуют двоичные сигналы в мысли; единица возбуждает нейрон, ноль ничего не делает. Эта система работает и в обратном направлении, так что я могу «разговаривать» с этим узлом.

Джейто подумал, что Найтингейл, вероятно, переполнен инфракрасными сигналами.

— А как ты можешь постоянно переносить столько шума?

— Не постоянно. Только когда я включаю «прием». — Соз полностью переключила внимание на Джейто. — Сигналы действительно создают много помех, и они не так надежны, как физический контакт. Но этого достаточно, чтобы я могла взаимодействовать с компьютером, расположенным так близко, как этот.

— И?..

Она раздраженно воскликнула:

— В этой комнате должно быть полно сигналов от различных источников в городе! Но я ничего не слышу.

Джейто сомневался, что Кранкеншафт способен отрезать свой дом от города.

— Возможно, он что-то с тобой сделал?

— Моя диагностическая система не зарегистрировала никаких программных вирусов или повреждений. — Соз помолчала. — Но, видишь ли, моя внутренняя сеть частично создана на основе моей ДНК. Вероятно, он инфицировал ее биологическим вирусом.

И, не говоря больше ни слова, Соз подняла руку и плюнула в гнездо.

Джейто сухо произнес:

— Если ты повредишь его, это нам не поможет. Она улыбнулась:

— Если в моей биомеханической сети блуждает вирус, то нанороботы в моей слюне, возможно, смогут создать антитела.

— А теперь ты что-нибудь слышишь?

— Ничего. — Несколько секунд спустя женщина произнесла: — Есть. Заметка о балете. — Она снова ушла в себя. — Я по-прежнему не могу связаться с городской системой... Но думаю, что сумею залезть в этот компьютер.

Джейто удивленно уставился на нее:

— У тебя нет никаких шансов. Это личный компьютер Кранкеншафта. Все знают, что его невозможно взломать.

Губы Соз тронула холодная улыбка.

— Это моя работа. — Секунду спустя она произнесла: — Я могу показать тебе голографическую скульптуру, сделанную с тебя, если хочешь.

Джейто сглотнул ком в горле. Словно она обрушила на него ту тонну кирпичей из древней поговорки.

— Да. Хочу.

Соз указала в центр комнаты:

— Вот она.

Джейто обернулся — и у него перехватило дыхание.

В воздухе над бассейном мерцал туман, переливающийся всеми цветами радуги. Он плыл над торчавшими из воды блестящими белыми конусами, словно тени облаков в солнечный день. И это создал человек, всю жизнь проживший в ночи! На каждом конусе возникло голографическое изображение Джейто. На самом высоком, с круглым сечением, он сидел, прижав колени к груди и дрожа; с волос и одежды капала вода. Он был моложе, моложе на восемь лет — всего лишь хрупкий юноша. На его лице отражались сменявшие друг друга эмоции: гнев, замешательство, негодование.

Повзрослевший Джейто стоял на следующем конусе, верхушка которого была срезана под углом и имела эллиптическое сечение. Он вспомнил, как позировал для этой скульптуры, как часами стоял на узком столбе, выступающем над поверхностью бассейна. Кранкеншафт давно убрал столб и стер его на голограмме, так что Джейто просто плыл в воздухе, а по лицу его проносились красные и голубые облака. Он кричал что-то, кулаки его были стиснуты. Никакого звука не раздавалось: только губы его шевелились. В мелькании света было трудно понять слова, но он знал их. Он проклинал Кранкеншафта на своем родном языке.

Другой Джейто, рядом с параболическим конусом, стоял, погрузившись в воду до середины бедер. Он водил руками в воде взад и вперед — эту привычку он приобрел от скуки. Следующий Джейто стоял на коленях у гиперболического конуса, по пояс в воде. Кранкеншафт обработал его лицо так, что он выглядел старым. Древним. Его лицо представляло собой отображение возраста, не тронутое биомоделированием, которое богатые люди использовали, чтобы сохранить молодость до конца своей долгой жизни. Ветерок шевелил его истончившиеся седые волосы. Сгорбленный, скрюченный, немощный — это было изображение его смертного удела.

Картина несколько минут сохраняла неподвижность. Затем все Джейто поднялись и начали перешагивать с одного конуса на другой, проходя сквозь друг друга, а над их фигурами проплывали разноцветные облака. Некоторые буйствовали, некоторые дрожали, другие двигались, как автоматы.

Каждая фигура расщепилась надвое, превратившись в двух Джейто, все они продолжали свой странный марш. Затем они снова раздвоились; оригинал продолжал двигаться, а остальные шагали на месте. Новые изображения возникали, словно тени; все они немного отличались друг от друга, создавая эффект размытости. Самый молодой Джейто плакал. Джейто помнил тот день: он рассказывал Кранкеншафту о своей семье, о том, как он любил родных, говорил, что они, должно быть, считают его умершим. На другом изображении Джейто смеялся. *Смеялся.* Да, бывали дни, когда он смеялся, даже вежливо разговаривал с Кранкеншафтом.

Над поверхностью бассейна появилась голограмма воды, парившая над настоящей водой, словно многократная экспозиция. Там были волны, замершие под неестественно острыми углами или зазубренные, словно пила, фосфоресцирующие красным, пурпурным, зеленым, сине-зеленым, золотым и серебряным светом. Порывы ветра, врывавшиеся в студию, поднимали волны на настоящей воде, и они добавляли штрихи к голограмме.

Фигуры Джейто снова раздвоились, как и их тени. Все они остановились и подняли руки, и движение это побежало, как волна, словно изображая множество квантовых вселенных, каждая из которых воплощала будущее, заданное оригиналом. Радужный водопад накрыл фигуры, и они замерцали. Но водяная завеса не могла скрыть ярость на их лицах.

— Клянусь всеми святыми! — воскликнула Соз. — Это впечатляет.

Джейто сделал усилие, чтобы не заскрежетать зубами.

— Именно поэтому он так знаменит.

— Теперь я понимаю, почему он выбрал тебя в качестве модели.

— Вот как?

Она махнула в сторону голограмм:

— Нельзя увидеть такие искренние эмоции — эту ярость — на лице Мечтателя. Такое вообще редко увидишь. Но у тебя это совершенно. Первобытные страсти, не испорченные цивилизацией.

— Я должен чувствовать себя польщенным? Соз моргнула:

— Я не хотела... — Она запнулась, пристально глядя на скульптуру. — Джейто, посмотри в свои глаза.

— Задача не из легких. — Но он понял, что она имела в виду. Он взгляделся в изображения и, когда увидел то, что увидела она, чуть не задохнулся. Алые. Твердые, как

рубин, и холодные, как рубин. Глаза у каждого изображения стали красными. Волосы тоже изменяли свой цвет, превращаясь из темно-каштановых в угольно-черные. Он не мог в это поверить. Кранкеншафт сделал его похожим на Торговца.

Он поднялся, стиснув руки в кулаки:

— Я убью его.

— Это вина, — объяснила Соз. — И катарсис.

— Какого черта, что все это значит?

— Здесь всё, — ответила она. — Вина, которую ощущают Мечтатели, зная, сколько несчастия их родичи принесли тысячам людей. И очищение. Понимание, что чудовище больше не живет в них. Они освободились, превратились из Торговцев в Мечтателей.

— Тогда это ложь. — Джейто был в таком гневе, что едва мог выговаривать слова. — Во имя этого «катарсиса» Кранкеншафт совершил то, от чего, как предполагается, он освободился. Он сделал меня похожим на то, что он ненавидит в себе самом, то, от чего он никогда не избавится... — Джейто осекся. Затем сел. — О дьявол!

Соз наблюдала за его лицом:

— В чем дело?

— Его лучшее творение. Взгляни в лицо демонам и изгони их. Я — основа. — Внезапно все стало совершенно очевидно. — Если он избавится от меня, то демоны, терзающие его, исчезнут. — Джейто сглотнул ком в горле. — Он собирается убить меня, ведь я часть скульптуры. Он с самого начала собирался сделать это.

Соз пристально взглянула на него:

— Он душевнобольной.

Джейто пожалел, что втянул ее во все это.

— Если бы мы погибли на Променаде, он сочинил бы красочную историю. А теперь ты вышла на него, и ему нечего терять — он доставил нас сюда, убьет и сможет использовать нашу смерть для своих нужд.

— Вообще-то, — произнес холодный голос, — ее убьешь ты.

Джейто резко поднял голову. Кранкеншафт стоял в противоположном конце мастерской, у консоли, в углу, где соединялись два голографических экрана. В одной руке он держал птицу Джейто, в другой — лазерный карабин.

— Какая трагедия, — продолжал Кранкеншафт голосом, которым он говорил, когда хотел подразнить Джейто, привести его в ярость. — Она пришла к самому знаменитому из современных художников, надеясь подарить ему Сон. Красивая женщина, в конце концов, обладает кое-какими преимуществами. К несчастью, она пришла, когда здесь был ты. — Он вздохнул. — Я никогда не оставил бы вас наедине. Но кому могло прийти в голову, что Имперскому Глашатаю угрожает опасность? А кроме того, Джейто, мы думали, что ты исправился. — Кранкеншафт покачал головой. — Она была слишком уверена в своих силах. В какой-то момент она потеряла бдительность, и тебе удалось связать ее. — Подняв птицу, он продолжал: — Ты убил ее украденным у меня тупым предметом. Я был вынужден пристрелить тебя, защищая свою жизнь.

Джейто поднялся, готовый взорваться. Но прежде чем его гнев выплеснулся наружу, Соз негромким голосом произнесла:

— Вы Гранитный Кранкеншафт.

На лице их тюремщика появилось беспокойное выражение.

— Вам не следовало совать нос в его досье, Глашатай.

— А почему вы заявляете, что Джейто украл эту птицу у вас? — спросила она. — Он создал ее сам.

Нижнее веко Кранкеншафта резко дернулось. Он крепче схватил статуэтку, стиснул ее, словно оружие:

— Никто никогда не поверит, что он сделал такую поразительную вещь и написал фугу. Только знакомство со мной позволило ему сотворить ее. Со мной. Он никогда не создал бы ее самостоятельно. Так что заслуга принадлежит мне.

Джейто должен был испытывать гнев из-за того, что Кранкеншафт пытается присвоить его работу. Но смысл слов врага так поразил его, что в нем выиграла гордость и он потерял голову. Он едва мог поверить в услышанное. Великий Гранитный Кранкеншафт был напуган *его* работой!

Кранкеншафт снял с пояса моток веревки и швырнул его пленникам. Моток упал у ног Джейто — кожаная бечевка с керамическими шариками на концах. Эти шарики могли быть чем угодно, от украшений до сверхпроводящих устройств.

— Свяжи ей руки за спиной, — приказал Кранкеншафт. Джейто скрестил руки на груди:

— Нет.

Кранкеншафт прикоснулся к панели на консоли. Огромный шар протиснулся сквозь щель в пластиковой стене и проплыл к центру мастерской.

— Нелинейная динамика и метапсихология, — заметил скульптор. — Ты знаешь, что, имея достаточно детально разработанные начальные условия, можно моделировать дальнейшее действие? Корреляция между рассчитанными результатами и действительным актом, происшедшим при данных условиях, достаточно точна.

Джейто нахмурился:

— О чем ты говоришь?

— Секс, — сказал Кранкеншафт. — Организуй с требуемой точностью начальную сцену, и можно смоделировать дальнейшее с поразительным правдоподобием.

— Иди к дьяволу, — ответил Джейто.

— Свяжи ей руки.

— Нет.

— Начать процесс! — приказал Кранкеншафт.

Из шара выскользнуло три шприца. Джейто не успел отпрянуть вовремя, но в этом, как оказалось, не было нужды: выстрелы были направлены не в него. Соз рванулась с головокружительной скоростью, но она не могла уйти: ноги ее были прикованы к камню. Один шприц промахнулся, но, судя по реакции женщины, другие два настигли ее. Соз дернулась, словно ее ударили, и напряглась всем телом.

— Что ты делаешь?! — крикнул Джейто Кранкеншафту.

— Джейто, все в порядке, — сказала Соз. — Я чувствую себя нормально.

— Это яд, работающий по принципу химических часов, — объяснил ей Кранкеншафт. — Даже ваши роботы не в состоянии перестраиваться так быстро, чтобы создать противоядие.

Соз ничего не ответила, лишь устремила на него пристальный взгляд, выводящий из себя.

— Что это за яд? — спросил Джейто. Соз мельком взглянула на него:

— Принцип его действия основан на циклических реакциях. — Хотя голос ее звучал спокойно, на лбу выступили капельки пота. — Если при определенных условиях соединить несколько реагентов, начнется серия реакций. В крови человека подобные вещества подвергаются циклическим превращениям, на каждой из ступеней образуется особый яд.

— А твои нанороботы могут бороться с ним? — спросил Джейто.

За нее ответил Кранкеншафт:

— Даже самые совершенные устройства не в состоянии приспособиться к сложным циклам. Этот яд подвергается сотне превращений, все ступени различаются по времени, побочные реакции каждый раз меняются. Это блестящее творение химиков. — Он оценивающе посмотрел на Джейто. — Ты подвергся действию одного цикла. В последний раз, когда был здесь. Может быть, ты помнишь?

Джейто прекрасно помнил. В крови его тогда словно горел огонь.

— Эти яды имеют различные проявления, — заметил Кранкеншафт, точно Соз была подопытным животным. — Тошнота, судороги, головокружение, боли. Скоро ее начнет рвать. В конце концов она умрет.

Соз оставалась невозмутимой, хотя по вискам ее бежали струйки пота. Она вытерла их механическим движением, словно включив гидравлику в своем теле.

— Как только ее руки будут связаны, — сказал Кранкеншафт, — я дам ей противоядие.

— Джейто, — она говорила тихо, — сделай то, что он хочет. Прошу тебя.

В голосе Соз явно слышалось напряжение. Джейто схватил с пола веревку и обмотал ее руки. Сломанный механизм на ее запястьях был горячим, возможно от энергии, выделившейся, когда пины Соз пожирала его. Джейто свободно обхватил веревкой ее руки, даже не пытаясь завязать узла. Но керамические шарики активировались, и веревка натянулась, сжав запястья Соз. Затем шарики сомкнулись.

— Кожа, — произнес Кранкеншафт. Джейто выпрямился:

— Что?

— На молекулярном уровне это сложный материал, — объяснил тот. — Более гетерогенный, чем, скажем, наручники. Не такой прочный, но ставит расщепители в тупик.

Джейто заскрежетал зубами. Как может Соз оставаться такой спокойной? Она лишь наблюдала за Кранкеншафтом, молча, пристально. Он снял с пояса кольцо с двумя магнитными ключами и бросил его пленникам. Когда ключи звякнули на полу у ног Джейто, зашипел шприц в шаре. Соз двигалась словно автомат, пытаясь уклониться, но шприц попал в цель.

— Для тебя будет лучше, если это противоядие, — сказал Джейто.

— Красный ключ открывает твои кандалы, — произнес Кранкеншафт. — Золотой — ее.

Когда Джейто освободил их, Соз неловко пошевелилась, свесив ноги с уступа.

— Идите в бассейн, — велел Кранкеншафт. — Оба.

— Нет, — ответил Джейто.

— Не заставляй ее страдать больше, чем это необходимо, — посоветовал Кранкеншафт. — Я могу рассчитать многое, но достигну лучших результатов, если буду иметь подлинные изображения.

Джейто не тронулся с места.

— Я не буду ее насиловать и убивать. Ты можешь подправить голограммы, чтобы я выглядел как Торговец, но ты не в силах заставить меня действовать, как Торговец.

Голос Кранкеншафта стал жестким:

— В бассейн! Иначе я так накачаю ее ядом, что она станет умолять тебя прикончить ее.

Внезапно Соз начала действовать. Быстро. Упав на одно колено рядом со своими сапогами, она выбросила вперед руки, и с запястий ее разлетелись обрывки кожи. Она сорвала «украшения» со своих сапог, подняла — по одному в каждой руке — и выстрелила из них какой-то жидкостью. Одна порция забрызгала робота, образовав облако газа. Вторая, задев карабин Кранкеншафта, ударила ему в лицо. Враг закричал, уронил оружие и прижал руки к лицу. Упав на пол, ружье разбилось, словно фарфоровое.

Шар Мандельброта зашипел, и шприц уколол Джейто в шею. Невероятно быстрым движением Соз швырнула свои сапоги. Они пронеслись по воздуху и врезались в шар; его внешняя оболочка в том месте, где ее залила жидкость, разлетелась на куски. Все это рухнуло на пол, и внутренности шара разбились о камень. Мигая и жужжа, обломки начали рывками двигаться друг к другу и соединяться вновь.

— Разбрасывай куски! — крикнула Соз, устремившись на другой конец мастерской.

Она напоминала марионетку: ее тело сейчас двигалось с помощью гидравлики, а не мускулов и костей.

Когда Джейто поспешил к роботу, чтобы раздавить его останки, он заметил, что Кранкеншафт опустил руки, открыв обожженное лицо. В тот миг, когда он схватился за оружие на поясе, Соз добралась до него. Взмахнув руками со сверхъестественной скоростью, она ударила Кранкеншафта снизу в подбородок. Запрокинув голову, он с грохотом рухнул на спину, ударился затылком и остался лежать неподвижно.

— Соз, нет!

Она подняла ногу, и Джейто ринулся вперед. Он столкнулся с ней как раз в тот момент, когда она уже опускала ногу. Их качнуло в сторону, и Соз не попала в Кранкеншафта. Нога ее ударилась о пол с резким стуком — этот удар раздробил бы противнику грудную клетку.

Джейто хватал ртом воздух:

— Не надо убийств.

Соз обернулась к нему, словно автомат; на лице ее не отражалось никаких эмоций. Трудно было поверить, что это та же самая женщина, которую он целовал на Променаде.

Затем выражение ее лица вновь стало человеческим, как будто она запустила внутри себя какой-то механизм. Соз сделала выдох.

— Он будет жить. — И мрачно добавила: — А мы, вероятно, нет. Ты в порядке?

Знакомое жжение распространялось по шее и туловищу Джейто.

— Я получил дозу яда. Он дал тебе противоядие?

— Нет. Снова яд. — Соз принялась собирать свои сапоги и трубки. — Мои медицинские роботы пытаются синтезировать противоядие, но это трудно, потому что цель все время изменяется.

— Лучше нам поторопиться. — Он схватил с консоли свою птицу. — Его компьютер должен был поднять тревогу в городе и привлечь остальных роботов.

Соз натянула сапоги.

— Я поставила на его систему замки. — Голос ее звучал затрудненно. Неестественно. — Им потребуется несколько минут, чтобы взломать ее.

Когда Джейто поворачивался к двери, находившейся в противоположном конце помещения, его взгляд скользнул по бассейну — и он окаменел.

Голографическая скульптура продолжала изменяться. Она порождала все больше фигур Джейто, пока они не образовали целую толпу, по которой пробегали волнообразные движения. Получилось суперизображение, фрактальная структура, повторяющиеся детали которой становились все меньше и меньше. Постепенно на этой картине начало вырисовываться лицо. Гигантское лицо Торговца.

Его лицо.

— Нет! — Джейто рывком обернулся к консоли.

— Идем! — крикнула Соз.

Он принялся бить по консоли:

— Нужно уничтожить эту скульптуру.

— Нам надо бежать! У нас нет времени!

— Он украл мою жизнь. — Джейто оставил компьютер и развернулся к Соз. — Он создал портрет самого себя, но приписывает его мне. Это словно... словно... — Он ударил ладонью по консоли. — Он вор. Он украл мою душу. — Джейто указал на скульптуру. — Это я. Не важно, куда я пойду, что я буду делать, — пока это существует, я принадлежу ему.

По лицу Соз катились, капли пота.

— Не могу гарантировать, что я найду все его копии.

— Если кто-то может это сделать, то только ты. — Он сжал кулаки. — Я принадлежу ему. А для него потеря этого «шедевра» будет наказанием похуже смерти.

Соз быстро подошла к консоли и принялась за работу; по панелям заскользили разноцветные волны иероглифов. Она не тратила времени на то, чтобы освободить гнездо у себя на запястье; вместо этого она стащила сапог, поставила на консоль ногу и воткнула вилку в отверстие на щиколотке. Судя по всему, ей не составляло труда стоять в таком нелепом положении.

Прошло несколько секунд.

Еще несколько.

Он ждал.

— Есть! — Соз выдернула вилку. — Я загрузила одну копию в свою внутреннюю память, для тебя. Все остальное уничтожено. — Она рывком натянула сапог. — А теперь идем.

Они побежали к двери, выходявшей на обрыв. Когда они оказались снаружи, на ветру, Соз взглянула вниз:

— Здесь нет перил.

Джейто старался не потерять равновесия, сражаясь с порывами ветра и головокружением, вызванным ядом.

— Я пойду первым. Если упаду, то не столкну тебя. А ты достаточно легкая — если что, я попробую тебя удержать.

— Хорошо. — Голос ее звучал хрипло.

Джейто думал, что она захочет идти первой. Интуиция обманула его: Соз наполовину была компьютером, а компьютеры действуют в соответствии с логикой, а не чувствами.

Крепче сжав статуэтку, он начал спускаться. Вокруг в бескрайней бездне завывал бушующий резкий ветер. Ступень. Еще ступень. Джейто шел медленно, останавливаясь, когда накатывали волны головокружения.

Ступень.

Еще ступень.

Сверху послышался какой-то скрежет, Джейто резко поднял голову и увидел, что Соз оступилась. Потянувшись к ней, он сам потерял равновесие и пропустил ступеньку, закачался над бездной. Отшатнувшись, он прижался к лестнице, упал на одно колено и устоялся вниз, в колодец, образованный спиралью.

— Джейто? — прохрипела Соз.

Он сделал вдох, поднял взгляд и увидел ее — стоящую на коленях ступенькой выше его.

— Ты в порядке? — спросил он.

Соз кивнула, они поднялись на ноги и продолжили спуск.

Ветер наверняка был ледяным, но жар, бушевавший в теле Джейто, не давал почувствовать холода. Несчастный двигался сквозь пелену тошноты и головокружения.

Ступень.

Еще ступень.

Ступень...

Ступени не было. Джейто взглянул вниз. Они добрались до подножия.

Соз издала какой-то сдавленный звук и прижалась к спине Джейто, схватив его обеими руками за талию. Обернувшись, он поддержал ее.

Они направились в обход Найтингейла, оставаясь достаточно далеко от границы города, чтобы тьма скрыла их. Джейто хотелось бежать, но он удерживался: не только потому, что отравленное тело не могло двигаться с большой скоростью, но и потому, что это привлекло бы внимание. Парочка, гуляющая рука об руку по романтической тропе, — это одно, а двое бегущих людей — совсем другое.

Он показал на трубки на сапогах Соз:

— Что в этих штуках?

— Жидкий азот, — хрипло ответила она. — И расщепители, чтобы усилить эффект. Он замораживает то, во что попадает, а пилы разъедают материал. Они менее специфичны, чем те, что вырабатываются в моем организме. Это делает их более опасными, но они сами разлагаются на воздухе.

— Как ты освободила руки? Пилы в твоем поту все-таки разъели кожу?

— Нет. — Соз поморщилась. — Мои для этого не годятся. Вещество широкого спектра действия, способное расщепить шкуру животного, разъело бы и наши шкуры. — Она показала ему сломанную цепь на своем наручнике. — Пощупай.

Он провел пальцем по зазубренному краю:

— Острый.

— Так же, как и тот, что остался там. Я терла о него веревку, пока та не лопнула.

— На этот раз никаких технологий, — отозвался Джейто. — Только смекалка.

Соз вымученно улыбнулась. Воротник ее взмок от пота, она шла с трудом,

механическими движениями переставляя ноги.

В крошечном космопорте не было даже терминала — просто ворота у входа на летное поле. Когда беглецы приблизились к ним, откуда-то возникли два шара и бросились им наперерез. Джейто попытался уклониться, но один из шаров легко справился с ним. Робот ударил его в грудь, и Джейто отшатнулся, затем оправился и бросился в сторону. Шар последовал за ним, и человек повернул обратно, чтобы обогнуть врага. Эта уловка действовала с роботами Кранкеншафта в те дни, когда он программировал их на медленные реакции, чтобы сделать охоту «забавной». Однако Джейто сомневался, что этот шар принадлежит Кранкеншафту, — после всего, что произошло, его роботы постарались бы убить их.

Робот настиг его и, словно таран, ударил в голову. Джейто полетел на землю, у него зазвенело в ушах, перед глазами замелькали светящиеся точки. Прижав к груди статуэтку, он застонал. Откатившись прочь от жужжащего дьявола, Джейто бросил взгляд на диспетчерскую вышку. На ней загорались огни.

Времени не оставалось.

— Получай, тварь, — выкрикнула Соз.

Струя жидкости, описав дугу, окатила робота водопадом сверкающих капель. Тот развернулся к Соз, словно гигантский керамический воздушный шар. Когда он устремился на нее, она попыталась сделать выпад, но потеряла равновесие и упала на колени. Шар нацелился женщине в голову, но она резко отскочила в сторону. Робот ударил ее в плечо — и разлетелся на кусочки, выплеснув настоящий дождь деталей. Вокруг Соз валялись жужжащие обломки, мигали огоньки.

Соз и Джейто взглянули друг на друга. Затем кое-как поднялись и бросились на летное поле. Вдалеке, с диспетчерской вышки и из громкоговорителей, расположенных по периметру поля, ревели сигналы тревоги. Беглецы миновали ворота — несколько брусьев, которые они отшвырнули в сторону, — и Джейто увидел звездолет «Вершина». Корабль блестел, словно алебастровая скульптура.

Когда Соз и Джейто добрались до звездолета, люк его раскрылся, будто на ускоренной голограмме. Как только они протиснулись в отверстие, люк захлопнулся. В носу корабля виднелась радужная мембрана, за ней находилась кабина. Когда Соз втиснулась на место пилота, вокруг нее образовался экзоскелет из рычагов управления, похожий на костюм из серебряной сетки. Джейто встал за ее креслом, уцепившись за спинку; на него накатила тошнота.

— Шея и узлы нижнего отдела позвоночника заблокированы, — сообщил голос.

— Щиколотки, — произнесла Соз, сосредоточившись на рычагах.

Пальцы ее летали по панели, а в это время автоматическая рука сняла с нее сапоги и часть сетки и соединилась с гнездами в ее ногах. После этого Джейто ничего не слышал: корабль общался прямо с внутренними системами пилота.

Внезапно Соз развернула кресло и притянула к себе голову Джейто. Он подался вперед, схватившись за ручки кресла, чтобы не упасть. Женщина яростно поцеловала его, всунув язык ему в рот.

Он рывком высвободился:

— Ты с ума сошла...

— Я дала тебе противоядие. В своей слюне. Моя сеть обнаружила его, а роботы синтезировали. — Она вновь притянула его к себе и поцеловала.

Он ответил на поцелуй, и в это время выстрелили пушки порта. Корабль содрогнулся. Хотя порт Найтингейла мог похвастаться весьма скромным арсеналом, он все же был в состоянии причинить ущерб. Джейто надеялся лишь, что «Вершина» сможет защитить себя, пока ее пилот и пассажир принимают противоядие.

Затем Соз отстранилась от него и улыбнулась. Кабина удлинилась, и из пола возникло второе кресло.

— Кресло второго пилота, — сказала женщина. — Садись.

Джейто скользнул на сиденье, и к его уху протянулось тонкое щупальце — как раз вовремя, чтобы он услышал крик:

— Небесный Молот тридцать шесть, ответьте!

Он чуть не выпрыгнул из кресла. Затем сообразил, что слышит переговоры Соз с диспетчерской.

— Взлет не разрешен! — произнес голос. — Повторяю, взлет не разрешен.

— Упрямые ослы! — рассердилась Соз. Затем выпустила ракеты.

Джейто знал, что разведывательный корабль, подобный «Вершине», может взлетать и садиться без малейшего шума, если этого хочет пилот. Они поднялись в воздух под грохот ракет. В качестве прощального салюта Найтингейлу Соз превратила космодром в ад.

Ускорение вдавило их в кресла, перед ними возникла голографическая карта, показывающая, как Найтингейл исчезает среди живописных скал Скелета Гиганта. Горы становились все меньше и меньше, пока не превратились в морщины на широком лице планеты.

Постепенно до сознания Джейто дошло. Он был свободен. Свободен!

Или, по крайней мере, думал, что свободен.

— Что теперь? — спросил он. Соз взглянула на него:

— Я доставлю тебя в штаб. Ты сможешь оправдаться. — Она помедлила, и на лице ее выступил румянец. — Я могу помочь тебе, если... если хочешь.

Ее неуверенность смутила его. Он видел, как она глядела в лицо смерти во время падения Променада и борьбы с губительным вирусом, как она умела убивать, не дрогнув. А спрашивая, нужно ли ему ее общество, она волновалась.

Он улыбнулся:

— Да. Я хочу этого.

Лицо Соз смягчилось. Она взглянула на статуэтку, которую он все еще держал в руках:

— Я понимаю, чего тебе стоило предложить мне эту скульптуру. Спасибо.

— Она ничего особенного собой не представляет.

— Она восхитительна, Джейто. И птица, и музыка. Он сглотнул ком в горле, не зная, как выразить, сколь много для него значат ее слова. Вместо этого он указал на голографический экран:

— Соз, взгляни.

Вместе они смотрели, как над горизонтом Анзатца встает солнце.